

Картер Н.

АМЕРИКАНСКИЙ
ШЕРЛОК ХОЛМС

ЗОЛОТОЙ ВЕК ДЕТЕКТИВА

Ник Картер
Ник Картер, американский
Шерлок Холмс (сборник)
Серия «Золотой век детектива»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28720389

*Ник Картер, американский Шерлок Холмс: Мир книги; Москва; 2011
ISBN 978-5-486-03840-2*

Аннотация

Ник Картер – уникальный персонаж детективного жанра, непревзойденный по количеству произведений, в которых он действует, и по числу его создателей. Благодаря массовости тиражей и ценовой доступности серия рассказов о Нике Картере сыграла огромную роль в популяризации жанра. В то же время Ник Картер является коллективным псевдонимом множества авторов небольших рассказов в развлекательных периодических изданиях.

Впервые Ник Картер появился в рассказе «Таинственное преступление на площади Мэдисон» 18 сентября 1886 г. в еженедельнике «New York Weekly». Рассказ был написан Джоном Расселом Корнуеллом (1848–1924), а сама идея принадлежала Орманду Смигу, главе издательского концерна Street&Smith. Корнуелл написал еще два рассказа о Картере,

после чего работа была продолжена другими авторами. Наиболее известным из них был Фредерик ван Ренселаер Дей (1861–1922), написавший несколько сотен рассказов о Нике Картере.

В итоге был создан образ совершенного положительного героя, непримиримого борца с преступным миром – умного, сильного, привлекательного. Ник Картер стал любимцем миллионов читателей не только в США, но и во всем мире.

Содержание

Фонограф-свидетель	6
Адская женщина	75
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Ник Картер
Ник Картер, американский
Шерлок Холмс

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление,
2011

© ООО «РИЦ Литература», 2011

Фонограф-свидетель

– Мне почему-то кажется, что вы все-таки увлекаетесь, – обратился знаменитый сыщик Ник Картер к своему посетителю, молодому, изящному господину лет двадцати пяти, весьма симпатичному на вид.

Собеседники сидели в уютном рабочем кабинете сыщика.

Гость Ника Картера, мистер Файрфилд, принадлежал к лучшему обществу; он был последним отпрыском аристократической семьи, обладал большими средствами и вел рассеянную жизнь холостяка, проживая в роскошных апартаментах дорогой «Мамонтовой» гостиницы.

– Нисколько, – ответил тот, – напротив, я уверен, что вам до сих пор еще ни разу не приходилось иметь дело со столь загадочным случаем, как тот, по поводу которого я явился к вам.

– Как вам сказать, – улыбнулся Ник Картер, медленно снимая пепел со своей сигары, – за время моей деятельности я все-таки уже кое-что видел. Но вы возбуждаете мое любопытство своими намеками. В чем же, собственно, дело?

– Как только вы это узнаете, вы не только заговорите о любопытстве, а безотлагательно и со всей присущей вам энергией приметесь за расследование этого, столь своеобразного, скажу больше, просто невероятного случая, – ответил Файрфилд. – Если бы я не слышал всего собственными своими

ушами, если бы не задумывался глубоко над всем тем, что было мне сообщено как бы из другого мира, то я подумал бы, что сделался жертвой галлюцинации и не стал бы вас беспокоить.

Ник Картер снисходительно улыбнулся, глядя, как его посетитель волновался.

– Не лучше ли будет, добрейший господин Файрфилд, если вы ознакомите меня с подробностями этого происшествия и предоставите мне судить, насколько оно своеобразно или чудесно, – спокойно заявил он. – Мы с вами беседуем уже почти четверть часа! У меня хотя и есть возможность выслушать вас, так как я сегодня никуда не тороплюсь, но все-таки желательно было бы знать, о чем именно идет речь – об убийстве, грабеже, поджоге и так далее.

– Об убийстве! Об истории преступления, дошедшей до меня чрезвычайно странным, небывалым путем! Да, вы пожимаете плечами, мистер Картер, – с живостью продолжал Файрфилд. – Но вы поймете мое волнение, когда я расскажу вам все. Эта злополучная тайна потрясла меня до глубины души и заставляет меня ломать голову над ее разрешением. И сколько я ни стараюсь, но ни до чего не могу додуматься.

– И все-таки я знаю об этом деле не больше того, что знал в начале нашей беседы, – прервал его Ник Картер, – попрошу вас рассказать мне, наконец, просто и ясно, что именно произошло в данном случае.

– Дело вот в чем, мистер Картер, – слегка вздохнув, ска-

зал Файрфилд. – Произошло ужасное преступление, а место совершения его неизвестно. Молодая девушка убита своими собственными родственниками самым гнусным образом, но кроме Бога никто не знает ни личности жертвы, ни самих убийц.

– Начало довольно интересное, – согласился Ник Картер. – Продолжайте, продолжайте, дело начинает интересовать меня.

– Вы не то еще скажете, когда выслушаете меня до конца, – многозначительно отозвался Файрфилд. – Подумайте только: преступление никогда не было бы обнаружено, если бы голос самой, давно уже покоящейся в могиле жертвы не заявил о происшедшем! Вы недоверчиво смотрите на меня. Возможно, что вы сомневаетесь даже в нормальности моих умственных способностей, но смею вас уверить, что я нахожусь в здравом уме и твердой памяти так же, как и вы сами.

– Стало быть, жертвою убийства пала какая-то девушка? – деловым тоном прервал Ник Картер своего посетителя.

– Я слышал из ее собственных уст, каким образом составлялся против нее заговор.

– Будьте добры выражаться яснее. Вы были лично знакомы с этой девушкой?

– Нет. Ведь я вам уже говорил, что не знаю, кто она такая и где она находилась. Я никогда ее не видел, а между тем она собственными устами...

– Вот как? Вы, стало быть, слышали голос с того света? –

проговорил Ник Картер с оттенком иронии. – Скажите, вы не волшебник?

– Ничего подобного, – ответил Файрфилд. – Ведь вы, мистер Картер, знаете меня как человека, который верит только тому, что видит собственными глазами.

– Совершенно верно, мистер Файрфилд. Но, если бы я не был убежден в том, что вы человек серьезный, то подумал бы, что вы выпили лишнее и явились сюда навеселе с намерением одурачить меня.

– Нисколько! – воскликнул Файрфилд. – Я совершенно трезв, да и вообще почти никогда не пью крепких напитков! Если при виде моего волнения у вас возникают сомнения по поводу моей вменяемости, то рассейте их и припишите это моему нынешнему душевному состоянию. Случай этот сильно взволновал меня, и я уже целую неделю страдаю бессонницей. Все снова и снова какая-то непреодолимая сила заставляла меня выслушивать жалобы несчастной, и чем чаще я это делал, тем больше это загадочное происшествие волновало меня. О том, что Наталья Деланси была убита, и о том, что убийство совершили ее же собственные родственники, я узнал из дюжины самых обыкновенных фонографных валиков.

– Вот как! – воскликнул сыщик. – Да, такого случая я еще не встречал за все время моей обширной практики.

– Слушайте дальше, – продолжал Файрфилд, сильно волнуясь. – Около месяца тому назад я случайно проходил ми-

мо аукционной камеры общества «Вельс Фарго». На вывеске возле входа было объявлено, что в это время происходила продажа с публичного торга не востребовавшихся вещей. Я зашел. Сам не зная почему, я начал торговать маленький невзрачный кожаный чемоданчик, который и остался за мной. Помимо других вещей, о которых речь еще впереди, я нашел в этом чемоданчике ящик с двенадцатью картонными трубочками, в каждой из них находилось по одному фонографному валику.

– И вот эти самые валики и поведали вам всю историю?

– Да! Раз сто я прослушал заявление убитой и знаю его почти наизусть, но тем не менее считал бы более целесообразным, если бы вы сами поехали ко мне в «Мамонтову» гостиницу и там лично убедились, что я говорю правду.

– Я сейчас же поеду с вами, мистер Файрфилд, – ответил задумчиво Ник Картер, – но предварительно я хотел бы задать вам еще несколько вопросов.

– Я к вашим услугам, – заявил Файрфилд, – но должен вам еще сказать, что я явился бы к вам уже и раньше, если бы не задался целью разоблачить эту тайну без чьей бы то ни было помощи. Теперь я перестал об этом мечтать, так как дело расследования вовсе не так просто, как кажется на первый взгляд.

– Это вещь известная, – сухо заметил Ник Картер, – но вернемся к делу: стало быть, вы приобрели около месяца тому назад чемоданчик с фонографными валиками на аукци-

оне невостребованных вещей в обществе «Вельс Фарго»?

— Если не ошибаюсь, сегодня как раз исполнилось шесть недель. Чемодан простоял у меня недели две, прежде чем я купил фонограф и начал слушать валики.

— Вы, конечно, ожидали, что услышите самые обыкновенные вещи вроде вальса из «Веселой вдовы»?

— Нет. Рассмотрев остальное содержимое чемоданчика, я сразу догадался, что валики сообщат мне нечто необыкновенное. Вот почему я, собственно, и купил фонограф.

— То, что вы слышали, и побудило вас явиться ко мне?

— Именно.

— Говорили ли вы с кем-нибудь об этом деле?

— Никому я не сказал ни слова. Валики поведали мне такие ужасы, что я с тех пор стал как-то чуждаться людей. Я заперся в свою библиотечную комнату и перестал принимать даже близких друзей. Кроме вас, мистер Картер, никто не знает о моем открытии. Даже мой лакей ничего не знает. Я отсылал его каждый раз, когда слушал фонограф, так как присутствие другого лица казалось мне излишним.

— Где хранятся эти валики?

— В железном сейфе, рядом с кроватью в моей спальне.

Ник Картер встал:

— Собственно говоря, я хотел расспросить вас еще кое о чем и просить вас описать мне наружный вид чемодана и того, что в нем находится. Но ведь я и сам могу осмотреть все это, когда прослушаю фонограф. Если вы согласны, мы

можем сейчас же и отправиться к вам.

– Сделайте одолжение. Лакея своего я уже отпустил. Нам никто не будет мешать, и вы спокойно можете выслушать страшную историю, которую вам расскажет фонограф.

Через полчаса Ник Картер вместе с Файрфилдом приехал в мамонтовскую гостиницу.

– Прежде чем я пушу фонограф, – заявил Файрфилд, – я должен предупредить вас, что вы должны прислушиваться очень внимательно. Мне кажется, что несчастная девушка в то время, когда поверяла фонографу свое горе, находилась в ужасном страхе, опасаясь, что ее подслушают и убьют. Боясь, очевидно, приближения врагов, она, как только слышала какой-нибудь подозрительный шум, сейчас же прерывала свое повествование и начинала петь какую-нибудь песню.

– Понимаю, – ответил сыщик.

– Откровенно говоря, – продолжал Файрфилд, – мне иногда казалось, что я слышу бред сошедшей с ума бывшей актрисы. Но вы сами убедитесь, что девушка была вполне здорова!

– Это я лучше всего узнаю после того, как прослушаю валики, – сказал Ник Картер.

Файрфилд отпер железную кассу и вынул оттуда картонную коробку с валиками фонографа и, вернувшись в библиотечную комнату, начал возиться с стоявшим на маленьком столике фонографом.

— Я купил лучший аппарат, какой только мог найти, — сказал он, — и вы видите, я не снабдил его трубой, а удовольствовался ушными раковинами и сделал это для того, чтобы никто другой не мог подслушивать.

— Мысль недурна, — одобрительно заметил Ник Картер, — скажите, валики были пронумерованы?

— Нет. Я долго возился и разбирался, пока установил надлежащую последовательность.

— Отлично! Ну что же, Файрфилд, начинайте.

Ник Картер весьма быстро приспособил свой слух к звукам, исходившим из фонографа.

Симпатичный женский голос говорил следующее:

«— Я должна рассказать ужасную историю! История эта так запутана, так неправдоподобна и ужасна, что, вероятно, никто и не поверит тому, что я теперь проговорю в фонограф. Того, кто услышит мое повествование, я заклинаю всем святым поверить моим словам! Клянусь Всевышним, что я буду говорить сущую правду! Я молю Бога, чтобы тот, кто услышит мое повествование, отомстил за меня! Итак, я начинаю: я богата, владею и деньгами, и драгоценностями, и недвижимым имуществом, словом, меня называют богатой наследницей. Вероятно, я никогда не узнаю, как велико мое состояние, так как я никогда больше не выйду на свободу и должна погибнуть. Ужасна смерть в девятнадцать лет, мысль о ней леденит кровь в моих жилах! Тяжело умирать даже больной или нищей молодой девушке, тем более ужасно это

для меня, так как я вполне здорова! Говорят, что я красива, я молода – и я должна умереть, потому что этого хотят гнусные преступники, жаждущие моих денег! Но они не уйдут от заслуженной кары – Бог услышит мою молитву и эти валики попадут в руки того, кто сумеет заставить убийц покаяться в содеянном! Я оставила всякую надежду спастись бегством. Я пыталась бежать, но это мне не удалось. Как-то раз мне уже казалось, что я благополучно ушла от своих преследователей. Я проехала верхом верст двадцать среди глубокой ночи, и все-таки меня настигла погоня; теперь я заперта здесь, в этом ужасном месте, откуда бежать невозможно. К несчастью, я даже не могу сказать, в какой именно местности находится моя тюрьма, так как...»

На этом кончался первый валик.

Неизвестная говорила быстро и невнятно, но Ник Картер все-таки разобрал все дословно. С нетерпением он стал ждать сообщений второго валика.

Файрфилд пристроил второй валик, и снова раздался тот же мягкий голос:

«– Я даже не знаю на каком расстоянии находится то место, где меня держат в плену, от моего дома, из которого меня увезли в бесчувственном состоянии. Негодяи усыпили меня каким-то наркотическим средством. Мое имя Наталья Деланси. Не считаю нужным распространяться о моем семейном положении, так как мое имя известно всем, кто живет в нашей родной местности. Опасаюсь, что меня

уже теперь считают умершей или принимают за помешанную, увезенную в психиатрическую лечебницу. Кто знает, какими ложными слухами было обмануто общество. Порою я удивляюсь, почему убийцы не довершают своего злодеяния, — ведь я нахожусь вполне в их власти. Но какой-то внутренний голос говорит мне, что они не осмелятся привести в исполнение свое преступное намерение, прежде чем...»

Тут послышалось какое-то пение, по-видимому рассчитанное на то, чтобы ввести кого-то в заблуждение, и валик кончился.

Третий валик сообщил следующее:

«— Боюсь, что часы мои сочтены. С минуты на минуту ожидаю смертного приговора...»

Опять послышалось пение, которое, однако, оборвалось столь же внезапно, как и началось. Затем снова следовал рассказ несчастной девушки:

«— Вероятно, он ушел. Кажется, Рудольф подслушивал у двери, но я думаю, что перехитрила его. На мою жизнь покушаются Рудольф, Макс и Оливетта, мои собственные братья и сестра. Кроме того, кажется, заинтересовано еще какое-то четвертое лицо — девушка или женщина, не знаю. Когда мои братья явились ко мне и хотели заставить меня подписать ту бумагу, она стояла у дверей снаружи, но я увидела только подол ее юбки».

Следующий валик передал:

«— Прошлой ночью, часов в двенадцать, я проснулась от

шума шагов в соседней гостиной. Дело в том, что кроме спальни мне отвели еще вторую комнату. Я не смела пошевелинуться и стала прислушиваться, затаив дыхание. Сначала я подумала, что настал мой смертный час, но спустя некоторое время шаги удалились и кто-то осторожно закрыл наружную дверь. Они зорко следят за мной. Опасаюсь, что они заподозрили меня, так что приходится быть еще более осторожной. Но, так как я вожусь с фонографом с утра до ночи, то они, вероятно, думают, что я помешалась на этом».

Вдруг опять послышалось пение.

Неизвестная пропела старинную грустную балладу. Ник Картер был тронут до глубины души.

Следующий валик передал слова:

«— Не убьют ли меня сегодня ночью? Кажется, так оно и будет! Только что ко мне заходил Рудольф. Он держал в руке какую-то бумагу и обещал тотчас же выпустить меня на свободу, если я подпишу ее и дам обещание повиноваться ему до конца жизни. Негодяй! Я-то ведь знаю, что в тот самый момент, когда я подпишу бумагу, они задушат или отравят меня! Я рассмеялась ему в лицо. Не знаю, откуда у меня взялась храбрость на это — ведь здесь я только плакала до сих пор! Затем он, злорадно хохоча, показал мне подделку моей подписи, сделанную так искусно, что я и сама не знала, я ли подписала или кто-либо другой. Он присовокупил, что отныне они уже не вынуждены больше упрашивать меня. Затем он ушел».

Снова послышалось пение.

– Погодите немного, – попросил Ник Картер, когда Файрфилд хотел поставить шестой валик, – я никогда еще не слышал столь потрясающей повести. Какая жалость, что несчастная девушка не обозначила точнее место своего жительства. Очевидно, она и не подумала о том, что эти валики передадут ее грустную историю кому-нибудь, находящемуся за тысячи верст от ее родины там, где имя Деланси решительно никому не известно.

– Да, это верно, да и имен ее братьев и сестры никто не может знать, – заметил Файрфилд. – Позвольте теперь поставить седьмой валик?

– Почему же не шестой? Ведь его мы еще не прослушали?

– Все равно нет возможности разобраться в том, что он передает.

– Ничего не значит! Надо прослушать все без исключения.

Файрфилд исполнил желание Ника Картера.

Как только валик пришел в движение, сыщик, к своему удивлению, расслышал шум, как будто кто-то ударяет дубиной или каким-нибудь другим тупым орудием в дверь.

Затем послышался громкий треск.

– Ага. Кто-то взламывает дверь, – пробормотал Ник Картер.

После этого раздался топот ног на мягком ковре и какой-то грубый мужской голос крикнул:

«— Где же она?»

В ответ послышался чей-то серебристый смех, причем, однако, нельзя было разобрать, смеялась ли сама Наталья или какая-нибудь другая женщина.

Затем, казалось, кто-то передвигал тяжелую мебель. Вдруг послышался дикий, пронзительный крик, а за ним шум нескольких голосов сразу, из которых один как бы пытался перекрыть другой.

Сыщику удалось разобрать лишь несколько отрывистых, несвязных слов.

Затем шум прекратился, и какой-то высокий мужской голос крикнул:

«— Дура! Ты чуть не убила меня! Пожалуй, тебе этого только и хотелось!»

Мужчина захохотал, но смех сразу оборвался и послышался выстрел из револьвера.

«— Ах ты, дьяволенок! Я тебя...»

Валик пришел к концу.

— Не понимаю, мистер Файрфилд, как вы могли не придавать значения этому валику, — сказал Ник Картер, взглянув на стоявшего возле него Файрфилда, — ведь этот валик рассказал мне целую историю.

— Как так? Интересно знать, какую именно? — спросил изумленный Файрфилд.

— Но ведь это ясно как божий день, — ответил Ник Картер, — Наталья Деланси только что успела привести в движе-

ние новый валик, чтобы продолжать свое повествование, как вдруг кто-то постучал в дверь. Она, вероятно, испугалась и, для того чтобы отвлечь внимание пришельца от фонографа, накинула на него платок. Возможно, что это был платок вязаный, так что валик все-таки сумел воспринять все происшедшее затем в комнате.

– И что же дальше? – воскликнул Файрфилд.

– Когда Наталья не сразу открыла дверь, ее просто-напросто сейчас же взломали. Вероятно, девушка заперлась в своей комнате, так как опасалась прихода убийц. Попытка ее врагов войти насильно усилила ее страх, так что она в конце концов спряталась под кровать. Когда затем дверь была взломана и Рудольф – предположим, что это был именно он, – ворвался в комнату, он не сразу увидел Наталью. А вошедшая затем женщина, заглянув под кровать и увидев ее там, разразилась громким хохотом, в точности и воспроизведенным на валике. Соединенными силами ворвавшиеся отодвинули тяжелую кровать от стены, и, когда Наталью вытащили оттуда, она громко вскрикнула. Затем все сразу о чем-то заголосили, о чем именно, мы узнаем, вероятно, лишь впоследствии. Мужчина с высоким тенором, который назвал Наталью дурой, несомненно, был Макс. Я полагаю, что несчастная в отчаянии вырвала у него из рук нож или кинжал и пыталась заколоть его. Сам Макс заявил, что ей это чуть было не удалось. Затем раздался револьверный выстрел.

– И что вы отсюда заключаете? – спросил Файрфилд.

– Что у Натальи был револьвер или же что она вырвала таковой из рук кого-нибудь из вошедших и выстрелила в Макса. Судя по его голосу, она нанесла ему рану.

– Жаль, что валик пришел к концу именно в этот момент, – заметил Файрфилд.

– Конечно, – отозвался сыщик.

– Можно теперь поставить седьмой валик?

– Сначала скажите мне, находится ли содержание седьмого валика в непосредственной связи с предыдущими?

– Нисколько. И это меня весьма удивляет.

– А меня ничуть, – возразил Ник Картер, пожимая плечами. – Когда Наталья увидела, что валик пришел к концу, она сняла его. Впрочем, я хотел еще спросить: почему вы поставили этот валик именно на шестое место? Ведь то, о чем он нам повествует, может одинаково относиться и к финалу всей драмы?

– Ошибаетесь, мистер Картер, и вы согласитесь со мной, когда прослушаете все остальные валики. Слушайте же теперь, что расскажет нам седьмой валик.

Снова послышался мелодичный голос молодой девушки:

«– Приходится торопиться, так как времени осталось мало! С минуты на минуту я ожидаю их прихода! С того момента, когда я в первый раз говорила в граммофон, прошло очень много времени. Меня теперь не оставляют одну, разве только на несколько минут, при мне неотлучно находится либо Оливетта, либо та другая девушка, которую зовут Диа-

ной. Но почему же они не убивают меня так долго?... С того времени, как я произнесла последнюю фразу, прошло около часа. Явилась Диана. Когда я расслышала ее шаги в коридоре, я сейчас же остановила фонограф. Теперь она опять ушла. Они готовятся к отъезду. Вероятно, меня хотят перевезти в другое место. О, если бы я только знала, куда именно! Вчера Макс в первый раз заговорил со мной об отце! Он сказал, что нашел письмо, которое я написала отцу и выбросила в окно в надежде на то, что кто-нибудь найдет его и передаст на почту. Диана тоже пришла. Она смеялась надо мной и сказала, что скорее мне удастся снять луну с неба, чем списаться с отцом! Если бы отец знал, где я теперь нахожусь, он сделал бы все, что в его силах, чтобы освободить меня. В следующий раз, когда я буду говорить с Рудольфом, я постараюсь выведать от него то, что мне нужно. Он глуп и груб, и мне, наверно...»

Седьмой валик пришел к концу.

Файрфилд заменил его восьмым.

– Теперь начинается очень интересный отдел, – пояснил он при этом, – этот валик передает содержание беседы между Натальей и тем, кого вы принимаете за Рудольфа!

– Передает ли он всю беседу?

– Почти. Но и этот валик приходит к концу именно в тот момент, когда дело начинает становиться наиболее интересным! Как жаль, что Наталья не догадалась подробно описать внутренний вид комнат, в которых ее держали в плену.

– Ничего не поделаешь. Придется дополнить эти сведения собственными силами, – заметил Ник Картер.

– Стало быть, вы допускаете возможность раскрыть эту тайну?

– Возможность? Я убежден, что мне удастся сделать это. Но теперь будем слушать дальше.

Ник Картер расслышал следующее:

В замке щелкнул ключ, дверь открылась и снова закрылась. По ковру прошел неуклюжими шагами мужчина, весом не менее шести пудов. Затем скрипнул стул под тяжестью его тела. По-видимому, то был Рудольф, который явился к Наталье.

«– Ну что, птичка моя, как ты себя чувствуешь? – послышался его грубый голос.

– Станный вопрос, – ответила Наталья, – все вы были бы рады, если бы застали меня мертвой в постели!

– Ты, пожалуй, права, – согласился Рудольф, – почему же ты в таком случае не наложишь на себя руки? В этой комнате есть несколько вещей, вполне пригодных для этой цели.

– Нет, этого удовольствия я вам не доставлю, – гордо возразила Наталья, – конечно, это было бы удобнее всего для вас, так как тогда вам не пришлось бы пачкать руки в моей крови!

– Что за выражение. Мы вовсе не намерены убивать тебя.

– Лицемер! – гласил возмущенный ответ. – Ведь вы убиваете, но только медленной смертью!

– В этом вини сама себя! Зачем ты не исполняешь наше требование? Этим ты не только спасла бы себе жизнь, но...

– Ты изверг! За твою подлость я была бы способна пристрелить тебя!

– Вот как, – расхохотался Рудольф, – знаешь ли, у меня возникает желание немного обрезать твои острые коготочки. Но перейдем к делу. Ты хотела бы видеть отца?

– Отца? Где он теперь? Приведите его ко мне, и я подпишу все, что вам будет угодно! Дайте мне еще один только раз увидеться с отцом!

– Что за нежности. Ты и сама понимаешь, что мы не так глупы, чтобы свести тебя с отцом. Об этом и разговаривать не стоит. Впрочем, по всей вероятности, он и знать тебя не захочет.

– Это почему? Говори яснее.

– Видишь ли, ему сообщили, что ты начала вести легкомысленную жизнь».

Ник Картер слышал глухой стон. Он представил себе, как несчастная девушка в отчаянии ломала руки.

«– Вы восстановили отца против меня! – зарыдала она.

– Конечно. Это сделала Оливетта.

– Негодяи вы! Злодеи!

– Брось эти глупые возгласы, они на меня не действуют. Так вот, мы уверили твоего отца в том, что его легкомысленная дочурка сбежала вместе со своим любовником. Оливетта написала от твоего имени письмо, которое послужило лиш-

ним подтверждением нашего сообщения. После этого Оливетта якобы получила от тебя еще два письма, которые тоже передала отцу. Содержание этих писем должно было рассеять последние сомнения в твоём предосудительном поведении.

– Отец! Отец! Меня оклеветали в твоих глазах! Неужели же Бог допустить такое злодеяние!

– А как же ты иначе хотела, птичка моя? – смеялся Рудольф. – Надо же было убедить дорогого папашу, что мы сказали ему правду.

– Вы все заслуживаете жесточайшей кары! – вскрикнула Наталья».

Затем сыщик расслышал шум, как будто Наталья пробежала по комнате. Раздались торопливые шаги Рудольфа, полусдавленный крик боли и шум падения человеческого тела.

«– Вот так, – грозно произнес затем Рудольф, – сиди здесь и не смей вскакивать с места, иначе я тебе покажу, где раки зимуют! Не доводи меня до крайности, иначе я забуду, что ты моя сестра, и убью тебя на месте!

– Вы изверги, и ты, и Макс, и Оливетта! Вы дьяволы! Вы не знаете ни жалости, ни сострадания! У вас нет никакой совести! Я не понимаю, как у меня могут быть такие братья и такая сестра!

– Тем не менее это факт, – рассмеялся Рудольф, – остается только пожалеть, что Оливетта не мужчина. Правда, она из всех сил старается уподобиться мужчине и достаточно

энергична, чтобы вступить в состязание хотя бы с целой дюжиной мужчин».

Молчание продолжалось несколько секунд, потом Ник Картер снова услышал голос Рудольфа:

«— Вчера вечером Оливетта в шутку нарядилась в костюм Макса, и когда она приклеила еще и усы, то они стали похожи друг на друга как две капли воды. Странно, что я так мало похож на них.

— Молчи, — прервала его Наталья, — ты приводишь меня в бешенство, и я способна, глядя на тебя, проклинать собственную мать!»

Затем она вдруг проговорила совершенно изменившимся голосом:

«— Рудольф, прошу тебя, принеси мне стакан воды».

На этом кончался валик.

— Экая досада! — воскликнул сыщик. — Как жаль, что нельзя дослушать всю их беседу до конца.

— Погодите, — возразил Файрфилд с улыбкой, — Наталья сумела поставить второй валик, на котором и запечатлелось продолжение беседы.

— Вот как? — изумился Ник Картер, засмеявшись. — Теперь понимаю, почему она попросила Рудольфа принести ей воды. Ну что ж, пустите его в ход, очень интересно знать, что будет дальше.

Снова послышался голос Натальи:

«— Благодарю тебя. Где ты пропадал так долго?

– Меня задержала Оливетта, она спрашивала, о чем мы с тобой беседуем, – проворчал Рудольф, – на чем, бишь, мы остановились?

– Мы говорили об отце и о матери.

– Мать умерла при твоём рождении, больше тебе о ней знать ничего не нужно. Когда она скончалась, Макс, Оливетте и мне было всего шесть лет. А теперь я спрашиваю тебя в последний раз: сделаешь ли ты то, что мы требуем?

– Нет! Раз и навсегда повторяю, нет!

– Если так, то заявляю тебе, что тебе осталось жить один только день, понимаешь ли ты, один-единственный день!

– Твоя угроза меня не пугает. Я уже привыкла к мысли о смерти и больше не боюсь ее, – ответила Наталья, – мало того: мне, правда, тяжело умирать в столь юные годы, но я мирюсь с этой необходимостью, так как только таким образом я могу освободиться от вас. Я умру в сознании, что вы напрасно совершите убийство, так как мое богатство, которое ослепило вас и превратило вас в преступников, никогда не попадет в ваши руки.

– Жестоко ошибаешься! Оно до последнего цента перейдет к нам!

– Смотрите не промахнитесь! Конечно, если вы, в довершение всего, убьете отца и составите подложное завещание».

Послышался насмешливый хохот. Затем Рудольф ответил:

«– Черт возьми, ты умнее, чем я думал. Стало быть, ты

уже догадалась? Само собою разумеется, отец будет укокошен также, как и ты. Письмо, которое вызывает его сюда, уже находится в дороге. Он получит его либо сегодня вечером, либо завтра утром, ну, а затем – впрочем, тебе не надо знать всего. Довольно тебе и того, что я уже сказал.

– Почему? Ведь я так или иначе не смогу ему передать ваших замыслов?

– Так-то оно так, хотя бы уже потому, что он увидит тебя только мертвой!

– Рудольф! Если в твоем сердце осталась хоть одна искра сострадания, то разреши мне один только еще раз увидеться с отцом... – взмолилась Наталья.

– Этому не бывать! – грубо оборвал Рудольф, – он увидит лишь твой труп, а спустя час по прибытии он тоже должен будет отправиться на тот свет!»

Рыдания несчастной девушки были прерваны стуком в дверь, и Рудольф произнес:

«– Я оставляю тебя одну на четверть часа. Если ты за это время пожелаешь покончить с собой, то ничего не имею против этого. Вон на том столе находятся морфий, синильная кислота и опий. На каждой бутылочке имеется соответствующая этикетка, можешь выбирать по собственному вкусу. Будь рассудительна и кончай с этим делом. Этим ты избавишь нас от неприятной работы убивать тебя».

Затем Ник Картер расслышал, как Рудольф с громким хохотом встал со стула, вышел и с треском захлопнул за собой

дверь.

Как только он ушел, снова заговорила Наталья:

«— Ты слышал все, мститель мой. Я с нетерпением ждала момента, когда мои убийцы заявят мне о своих преступных намерениях. Рудольф, таким образом, сознался во всем, и я молю Бога, чтобы этого сознания было достаточно для предания его, Макса и Оливетты законной каре. Жизнь дивно хороша! Теперь, когда часы мои сочтены, я снова хочу жить! Отец, мой дорогой отец! Тебя они тоже убьют, заставят умереть с мыслью, что я была недостойной дочерью».

После некоторого молчания снова раздался несколько повышенный голос несчастной девушки:

«— Я должна умереть раньше моего отца! Там, на том свете, я буду ожидать его, там я встречу его, там он узнает всю правду! Там, где нет козней и коварства, я снова буду его дочерью. Слышишь ли ты меня, мститель мой? Я обречена на смерть, но я знаю, что Господь Бог снова сведет меня с отцом! Но, вот и этот валик кончился. Прощай навеки, мститель мой!»

— Теперь, собственно говоря, остается прослушать еще один только валик, так как десятый и одиннадцатый не сообщают ничего интересного, — сказал Файрфилд, переставляя опять валики фонографа, — дело в том, что после этого Наталью уже больше не оставляли одну.

— Ничего не значит, — заявил сыщик, — я все-таки хотел бы прослушать все три валика.

– Как угодно, мистер Картер, – ответил Файрфилд, – впрочем, на десятом валике действительно имеется интересное замечание. Итак, слушайте.

Он привел фонограф в движение и снова послышался голос Натальи:

«– Слава богу, они ушли из комнаты. Надеюсь, они оставят меня в покое хотя бы на некоторое время. Очевидно, они теперь будут наблюдать за мной очень зорко. Давеча они чуть не застали меня за фонографом, а этого не должно быть, так как они уничтожат валики и никогда никто не узнает о совершенном ими ужасном преступлении. Вот они опять возвращаются. Все четверо: Макс, Рудольф, Оливетта и та девушка, которую они зовут Дианой. Они не хотят говорить мне, кто она такая. Я теперь закрою фонограф, но не оставлю его».

Ник Картер расслышал шорох платка, набрасываемого на фонограф; затем он услышал, как Наталья отодвинула стул и встала.

По-видимому, перечисленные Натальей четыре лица вошли в комнату, и сыщик дальше ничего не понял, а слышал только неясный говор.

Когда Файрфилд вставил одиннадцатый валик, Ник Картер расслышал следующее:

«– Час тому назад мне удалось достать огнестрельное оружие. Рудольф находился у меня в комнате и сторожил. Должно быть, прошлую ночь он совсем не спал, так как глаза у

него то и дело смыкались и он только с трудом сидел на стуле. Затем, несколько раз зевнув, он заснул. Я сейчас же вынула ключи из его кармана и вышла из комнаты. Но я не посмела сойти по лестнице в нижний этаж, так как слышала голоса в комнате рядом с передней. Да и все равно я не смогла бы выйти из дома, так как между лестницей и входной дверью приделана железная решетка. Я прокралась в одну из комнат, дверь которой была открыта. Я увидела, что в этой комнате живет Макс. Я нашла там заряженный револьвер, который и взяла с собой. Кроме того я взяла железную шкатулку, в которой, насколько мне известно, Макс хранит важные документы. Я принесла ее в свою комнату, обвязала ее веревочкой и повесила за плюшевую портьеру окна моей спальни. Это окно никогда не открывается. Там шкатулка может провисеть незамеченной целые годы. Затем я положила ключи обратно в карман Рудольфа и...»

На этом кончался валик.

– И это все? – спросил Ник Картер.

– Есть еще двенадцатый, последний валик, – ответил Файрфилд.

– Вставьте его поскорее. Откровенно говоря, эта история действует на нервы.

Когда валик пришел в движение, сыщик услышал пронзительный крик Натальи.

«– Назад! – кричала она. – Вы видите, я вооружена! Я пристрелю всякого, кто приблизится ко мне!

– Проклятье! – яростно заревел Макс. – Это мой револьвер! Откуда ты его взяла?

– Рудольф дал мне его, чтобы я могла защищаться, – злобно ответила Наталья.

– Это ложь! Гнусная ложь! – крикнул Рудольф.

– Каким образом могла ты выйти из своей комнаты? – спросил звонкий женский голос».

Но Наталья ничего на это не ответила.

Вдруг раздался бешеный крик, затем выстрел, еще крик и...

Судя по шуму, в комнате, очевидно, происходила ожесточенная борьба между несколькими лицами.

Слышны были проклятия, произносимые мужским голосом, и опять крики, испускаемые женщиной.

Затем Ник Картер расслышал глухое падение тела и тяжелое хрипение.

Все стихло.

Вдруг снова послышался женский голос:

«– Она мертва?

– Мертва!

– Помоги Оливетте, Диана, – раздался глухой бас Рудольфа, – она, вероятно, только оглушена, так как пуля слегка задела ее.

– Но из раны идет кровь струей. Так или иначе у нее на всю жизнь останется шрам.

– Возможно. А куда ты денешь труп, Макс? Старик может

приехать часов в восемь, и тогда...»

На этом кончался последний валик.

– Вот и все, мистер Картер, – мрачно проговорил Файрфилд.

– Это самая мрачная трагедия, с которой мне когда-либо приходилось сталкиваться за всю мою практику, – произнес сыщик, – но мы отомстим за несчастную Наталью. Клянусь, что эти изверги не восторжествуют. Я попрошу вас доверить мне валики и фонограф на несколько дней. Я хочу прослушать всю историю еще раз совершенно спокойно у себя дома.

– Я знал, что вы потребуете это, и прошу вас распоряжаться фонографом и валиками, как вашей собственностью!

– Благодарю вас, мистер Файрфилд. Теперь я уйду, а завтра к десяти часам утра попрошу вас быть у меня. Я надеюсь, что до этого времени сумею кое-чего добиться.

– Вы полагаете, что вам удастся раскрыть эту ужасную тайну? – спросил Файрфилд.

– Я уверен в этом, – решительно заявил Ник Картер, – негодяи во что бы то ни стало должны быть преданы заслуженной ими каре. У нас, впрочем, есть важные факты: мы знаем имена убитой и убийц.

– По-видимому, преступление совершено в какой-нибудь уединенной местности? – заметил Файрфилд.

– Конечно, но ведь таких местностей очень и очень много, – проговорил Ник Картер, – преступление могло быть

совершенно в Калифорнии, в штате Орегон или во Флориде, вообще, в такой местности, где говорят по-английски. Итак, прощайте, мистер Файрфилд. До завтра.

Ник Картер взял с собой фонограф с валиками и поехал к себе домой.

Уже по дороге домой Ник Картер составил себе план действий.

Устроившись в своем рабочем кабинете, сыщик вызвал к себе своих помощников Дика, Патси и Тен-Итси и в кратких словах сообщил им о новом деле.

– Я попрошу вас всех троих прослушать валики, – заключил Ник Картер свое повествование, – но до поры до времени не делитесь впечатлениями. Пусть каждый из вас самостоятельно подумает об этом деле, а завтра утром выскажет мне с глазу на глаз свой взгляд, не делясь пока своими мнениями с другими.

– Ну что? – спросил Ник Картер на другое утро, когда к нему явился Дик. – Что тебе прежде всего бросилось в глаза во всем этом деле.

– Скажу прямо, – заявил молодой сыщик, – что я больше всего поражаюсь хладнокровию Натальи. Мне кажется совершенно невероятным, чтобы молодая девушка могла смотреть смерти в глаза с таким поразительным спокойствием.

– Вполне согласен с тобой, – заметил Ник Картер.

– Можно подумать, будто несчастная девушка была воспитана в духе восточного фатализма, согласно которому нет никакого смысла бороться с заранее предопределенным роком?

– Мысль недурна, – отозвался Ник Картер, – ну а еще что?

– Прежде всего я хотел бы знать, каким образом валики попали в чемодан? Затем, почему чемодан этот был отправлен обществу «Вельс Фарго» и кем именно?..

– Он значился на имя некоего Алексея Делануа, – пояснил Ник Картер, – но Файрфилду, к сожалению, не удалось разыскать этого человека. По-видимому, это и есть то седьмое лицо, которое участвует в этой драме.

– Какое такое седьмое лицо?

– Очень просто: мы знаем шесть лиц: Наталью, Макса, Рудольфа, Оливетту, девушку по имени Диана и отца Натальи. Надо полагать, что сами преступники вряд ли упаковали граммофонные валики в чемодан.

– Разве только для того, чтобы избавиться от них, – заметил Дик.

– Я не допускаю и этого, – возразил Ник Картер, – если бы хоть один из преступников имел понятие о том, насколько опасны для них эти валики, то последние немедленно были бы уничтожены. Таким образом, я убежден, что фонограф, на котором первоначально находились валики, и поныне находится в той комнате, где томилась и была убита Наталья.

– Понимаю. Но кто же мог положить валики в чемодан без

ведома преступников и отправить их по адресу, несомненно вымышленному?

– Пока я этого и сам не знаю, – ответил Ник Картер – и нам прежде всего придется найти эту таинственную личность. Возможно, что в том доме находилась еще и прислуга. Следует помнить, что вся трагедия разыгралась в зажиточной семье, так что в доме несомненно находилось и несколько человек прислуги. Предположим, что какая-нибудь горничная совершенно случайно узнала, что проделала Наталья с валиками. Эта горничная тотчас же сообразила, что ей будет весьма выгодно присвоить себе валики, служащие оружием против ее господ. Вот почему она, никому ничего не сказав о своем открытии, тайком упаковала валики в чемодан и отправила последний сюда в Нью-Йорк кому-нибудь из родственников или знакомых. Возможно, что получатель за это время куда-нибудь уехал или отправительница не знала его точного адреса. Так или иначе чемодан не был востребован.

– Но почему отправительница, если это действительно была какая-нибудь горничная, за все это время ни разу не поинтересовалась узнать, попал ли чемодан туда, куда следует?

– Вероятно, потому, что она боялась той же участи, какая постигла Наталью, если только убийцы узнают, в чем дело. Такие люди, как Рудольф и Макс, Оливетта и Диана, не побоятся уколошить всякого, кто может чем-нибудь угрожать им.

– Интересно знать, какие вещи, кроме валиков, находились еще в чемодане, – проговорил Дик, – возможно, что они наведут нас на верный путь. Откровенно говоря, ни одно дело еще не казалось мне столь безнадежным и запутанным.

– А я нарочно и сам еще не ознакомился с этими вещами, – сказал Ник Картер, – так как я сначала хотел обдумать повествование Натальи независимо от всего прочего. А впрочем, я и не думаю, чтобы те вещи могли разъяснить нам что-нибудь. Это мы еще увидим, когда сегодня рассмотрим подробно все то, что находится в чемодане. Ты мне вот что скажи, Дик: как долго, по твоему мнению, Наталья находилась в плену?

– Недель десять – двенадцать, – ответил Дик, – хотя определение это далеко не точное. Чемоданчик стоял на складе общества «Вельс Фарго» около года, стало быть, со времени совершения преступления теперь прошло уже месяцев двенадцать.

– Значит, наши мнения в этом отношении сходятся. Я тоже думал, что плен девушки начался месяцев пятнадцать – восемнадцать тому назад.

– Не кажется ли также и тебе, что отец Натальи занимал очень видное положение? – продолжал Дик. – Я хочу сказать, что, по моему мнению, он был либо государственным, либо общественным деятелем, во всяком случае, человеком влиятельным, а не только обыкновенным коммерсантом.

– Почему ты так думаешь?

– Если только я верно понял то, что повествуют валики, то братья и сестра задумали убить Наталью лишь после того, как она категорически отказалась исполнить их требование; они знали, что ее отец, человек очень гордый, весьма привязан к Наталье. Они знали его слабую струнку, знали, что он больше всего дорожит своей честью и безупречным именем своей семьи. Они рассчитали, что если заденут его в этом смысле, то он сам будет считать себя обесчещенным, так как теряет положение в том обществе, в котором всегда играл значительную роль, и что это, в конце концов, доведет его до самоубийства.

– Это очень остроумная догадка, Дик, – согласился Ник Картер, – и я считаю этих негодяев вполне способными на такой замысел. Сознание, что любимая дочь сбилась с пути, наверное заставило бы гордого отца не только совершить самоубийство, но и предварительно лишить Наталью наследства; а ее права тогда, конечно, перешли бы к братьям и сестре. Но, когда замысел не удался вследствие упорного нежелания Натальи подчиниться, они задумали убить и отца и дочь, а затем присвоить себе состояние при помощи подложного завещания. Все это придумано очень хитро, да, по всей вероятности, и исполнено удачно. Я только не понимаю того, каким образом можно было просто похитить из такого дома молодую девушку и держать ее где-то взаперти. Надо ведь полагать, что отец принял все зависящие от него меры к розыску своей любимой дочери.

– Если только ее не оклеветали в его глазах еще раньше, – произнес Дик. – Видишь ли, Ник, именно над возможностью этого факта я сильно задумывался. При этом у меня и явилась мысль, что отец Натальи либо сановник, либо государственный деятель или кто-нибудь в этом роде и что он по делам службы часто надолго отлучался из дома. По всей вероятности, Оливетта, будучи старше Натальи на шесть лет, воспитывала последнюю. Мы знаем, что Оливетта была лицемерна и коварна, но умела казаться чрезвычайно приветливой, точно так же, как и брат ее, Макс. Рудольф же не умел скрывать своего хищного характера. Надо полагать, Оливетта давно уже наушничала старику. Она целыми годами неустанно жаловалась на недостойное поведение Натальи, а когда последняя в один прекрасный день скрылась, то заговорщикам было уже нетрудно убедить сомневавшегося в чистоте своей дочери отца в том, что Наталья бежала со своим любовником.

– Все это я отлично понимаю, – согласился Ник Картер после некоторого раздумья, – и если братья и сестра подтащивали таким образом карты, то достаточно было одного наглядного факта, чтобы довести отца до отчаяния и заставить его лишиться Наталью наследства. Но ведь все это могло случиться также с богатым коммерсантом?

– Не думаю. У коммерсанта первую роль играет чековая книжка и текущий счет в банке, – ответил Дик, – у коммерсанта, разумеется, тоже есть сердце, и он тоже будет сокру-

шаться о блудной дочери, но это не доведет его до самоубийства, так как подобный инцидент не пошатнет его положения в торговом мире. Другое дело – сановник или государственный деятель: на него будут указывать пальцами и говорить: «ведь это министр такой-то или сенатор такой-то!», «ведь это отец той самой, которая...». Подобные сплетни обязательно повредят ему в обществе и доведут его до крайности.

– Другими словами, – заговорил Ник Картер, – если мы хотим добиться выяснения этого таинственного случая, то нам следует узнать, в какой именно высокопоставленной семье разыгралась такая трагедия?

– Жаль, что мы не знаем, кто такая эта Диана, – заметил Дик, – какую роль играла она во всей этой истории? Наталья, очевидно, ее не знала, так как ей неизвестна была даже фамилия этой Дианы.

– Этот пункт и для меня неясен, – согласился Ник Картер, – я склонен думать, что Диана была невеста, но, во всяком случае, не законная супруга одного из братьев, так как в последнем случае Наталья знала бы ее.

– Да, нам предстоит решить весьма сложную задачу и придется поломать голову, – произнес Дик, вставая, – а теперь я пришлю к тебе Патси, так как я пока ничего не могу прибавить к тому, что сказал.

Тотчас же после ухода Дика в комнату вошел Патси.

– Ну что, Патси? – спросил Ник Картер. – К какому ты

пришел заключению?

– Пока еще ни к какому. Мне только кажется странным, что двенадцатый валик тоже оказался в чемоданчике. Кто снял его и упаковал?

– Об этом я уже говорил с Диком, – отозвался Ник Картер, – и нам кажется, что мы догадались, в чем дело. Пусть Дик сам тебе расскажет, какого мнения он в данном случае придерживается. Что ты можешь сказать еще?

– Хотелось бы знать, кто такая эта Диана?

– Об этом мы поговорим потом, сначала говори о своих догадках.

– Видите ли, Наталья распевала исключительно старинные песни, а это странно, так как молодые девушки редко поют старые песни, если им известны мотивы новых.

– Что ты этим хочешь сказать?

– Мне кажется, что Наталья воспитывалась где-нибудь в монастыре или в каком-нибудь помещичьем замке, окруженном огромным, вековым парком. По всей вероятности, Наталья воспитывалась под руководством старой девы, которая и научила ее тем песням, что были в моде во времена ее юности.

– Что общего между этим обстоятельством и нашим исследованием? – спросил Ник Картер в недоумении.

– Я хочу этим сказать, что девушка, проживающая в уединенном месте и редко видящаяся со своим отцом, может пропасть без вести, не возбуждая этим особого внимания.

Почем знать, сколько недель прошло со времени ее похищения до того момента, пока отец заподозрил недоброе!

– Пожалуй, это правильно, – согласился Ник Картер, – я даже склонен думать, что люди, редко видевшие Наталью, не знают еще и теперь, что ее уже нет более в живых.

– Именно, – подтвердил Патси, – быть может, даже сам старик-отец не знает о смерти своей дочери.

– Значит, ты полагаешь, что отец Натальи еще жив?

– Я даже уверен, что Макс, Рудольф и Оливетта находятся при нем, и, по всей вероятности, старик в настоящее время живет на своей вилле. Вот все, что я пока могу сказать. Я нарочно не касался деталей, о которых вы, вероятно, уже беседовали с Диком.

– Да, а теперь позови ко мне Тен-Итси.

– Я напряженно думал над всей этой историей, – заговорил Тен-Итси, не дожидаясь вопроса своего начальника, – и больше всего ломал себе голову над этой загадочной Дианой! Кто она такая? Какую роль играет она в этой потрясающей драме?

Ник Картер усмехнулся.

– Можно подумать, что вы все сговорились, – заметил он, – каждый из вас обращает особое внимание на эту Диану!

– Это доказывает, что она, по всей вероятности, является главной зачинницей, – ответил молодой японец, – я считаю ее душой всего заговора, главным действующим лицом, ко-

торое, как в театре марионеток, остается за кулисами, но руководит действиями всех фигур.

– На чем ты основываешь это предположение.

– Прежде всего на том, что Диана сумела держать себя в стороне так удачно, что даже Наталья не знала, кто она такая. Во всяком случае, она не была слепым орудием или исполнительницей чужой воли, так как тогда ее выдвинули бы на первый план и поручили бы ей совершение убийства. Но нам известно, что Наталья так и не узнала, что это за личность. Кроме того, одна только Диана сохранила спокойствие и присутствие духа во время убийства Натальи.

– Недурно, продолжай, – заметил Ник Картер.

– Мне кажется, – продолжал маленький японец, – что эта Диана женщина очень коварная. Она, как предусмотрительный полководец, не выходила на передовые позиции, для того чтобы иметь возможность удобнее руководить действиями своих войск. Как истинный стратег, она лично участия в деле не принимала, а ограничивалась тем, что распоряжалась действиями заговорщиков.

– Другими словами, ты считаешь Диану зачинщицей? – спросил Ник Картер.

– Да, в ее лице я вижу главную виновницу. Рудольф был безвольным орудием в ее руках, а Макс и Оливетта тоже исполняли только ее приказания. Рудольфом она управляла путем железной строгости, а Макса и Оливетту держала в повиновении благодаря своему умственному превосходству.

Приблизительно в таком виде я представляю себе взаимные отношения заговорщиков между собой. По-моему, в дело было замешано не четыре, а пять человек. Кто же упаковал валики и остальные предметы в чемодан, кто отправил чемодан, как не это пятое лицо?

– По поводу этого лица мы все сходимся во мнениях, – с улыбкой заметил Ник Картер, – а кто же, по-твоему, был этот загадочный незнакомец?

– Не знаю, сойдемся ли мы во мнениях и теперь, – нерешительно ответил Тен-Итси, – так как, по моему мнению, ни четверо заговорщиков, ни их жертва не имели понятия о присутствии этого пятого лица.

– Вот как?

– Так, по крайней мере, мне кажется. Я не допускаю и мысли, чтобы заговорщики имели глупость посвятить в дело еще и пятое лицо.

– А разве нельзя допустить, что в доме находился лакей или горничная, которые знали, что происходит?

– Нет, это я не считаю возможным, – решительно заявил Тен-Итси, – весь план придуман очень хитро и подготавливался давно. Сразу видно по замыслу, что заговорщики не хотели рисковать, а терпеливо ожидали момента, когда можно будет без промаха нанести окончательный удар. А потому я, при всем желании, не считаю заговорщиков настолько глупыми, чтобы они навязали сами себе на шею соучастника, который легко мог выдать их в любое время. Нет. Я твер-

до убежден в том, что лицо, упаковавшее двенадцать валиков, находилось в доме и имело полную возможность видеть решительно все, что делается внутри дома. Об этом ничего не подозревали ни убийцы, ни Наталья. А затем, я убежден в том, что это пятое лицо именуется Алексеем Делануа.

– Стало быть, ты полагаешь, что этот человек отправил чемодан в Нью-Йорк на свое собственное имя, с намерением когда-нибудь востребовать его от общества и снова овладеть таинственными валиками?

– Совершенно верно.

– Но позволь, милый мой, – сказал Ник Картер, – каким же образом постороннее лицо могло остаться незамеченным в доме? Макс, Рудольф, Оливетта и Диана, несомненно, внимательно наблюдали решительно за всем, что только происходило в доме. А если это так, то каким же образом Алексей Делануа мог захватить валики? Бедная Наталья, наверное, понятия не имела о том, что в непосредственной близости от нее находится еще одно лицо, иначе она упомянула бы об этом.

– Определенного ответа на эти вопросы я дать не могу, но я составил себе свою гипотезу, – ответил Тен-Итси.

– А именно?

– Я представляю себе все дело в следующем виде: где-то в отдалении от населенных мест стоит большая вилла. Управляющий или дворецкий, словом, тот, кому поручен надзор за этой виллой, человек старый. Должность дворецкого пере-

ходила из поколения в поколение все в одной и той же семье. Звали этого дворецкого Алексеем Делануа – вы, конечно, обратили внимание на то, что фамилия французская? Это имеет свое особое значение, о котором речь еще впереди. Вот этот самый дворецкий целыми днями и ночами ходил по коридорам и комнатам большой виллы, находившейся раньше уже под надзором его отца и деда. Надо полагать, что никто не обращал на старика-дворецкого серьезного внимания. А он-то инстинктивно чувствовал, что в доме творится что-то неладное. Он входил в дом потайными ходами, подглядывал в щелочки и, таким образом, сделался свидетелем ужасной драмы.

Ник Картер забарабанил пальцами по столу и поморщился.

– Я так и знал, что вам не понравится моя пылкая фантазия, – сказал Тен-Итси.

– Напротив, милый мой, – возразил Ник Картер. – Я, правда, не так сильно увлекаюсь фантастическими образами, как ты, но я признаю, что твои догадки имеют серьезное основание. То, что ты высказал по поводу Дианы, совершенно разрушило мои первоначальные предположения. Ну, а что же ты хотел сказать по поводу французской фамилии?

Тен-Итси пожал плечами и ответил:

– Теперь я, откровенно говоря, беспокоюсь, что мои дальнейшие выводы совсем не будут вами одобрены.

– Ты что же, красной девицей стал и хочешь, чтобы я тебе

комплименты говорил?

– Нисколько. Извольте, я скажу то, что я думаю по поводу французской фамилии: вилла, о которой я рассказал вам, находится в Канаде.

Ник Картер встал и положил молодому японцу руку на плечо.

– Вот это остроумная и, по-моему, вполне правильная догадка! Я вполне с тобой согласен. Пока я теперь займусь осмотром вещей, находящихся в чемодане, ты подойди к телефону, вызови контору газеты «Глобус» в Торонто и спроси, проживал ли в течение последних лет в Канаде некто по фамилии Деланси. Сообщи, если нужно, все, что мы знаем о семье Деланси. Так как знаешь не хуже меня, в чем дело, то мне незачем давать тебе указания. Постарайся только вывести как можно больше. Если из Торонто тебе не сообщат того, что нужно, то обратиться в Монреаль, а потом и в Квебек, словом, пропутешествуй по всей Канаде по телефону. Предварительно, однако, поговори с управляющим телефонным обществом и попроси его предоставить нам право исключительного пользования линией в течение известного промежутка времени. Понял?

– Конечно.

– Ага, кто-то звонит у парадной. Вероятно, явился мой друг Файрфилд, которого я просил прийти в десять часов.

Ник Картер пошел Файрфилду навстречу и сердечно приветствовал его.

– Не стоит и садиться, Файрфилд, – сказал сыщик, – я сейчас отправлюсь вместе с вами к вам в гостиницу. Мне хочется прогуляться, а затем мне надо поговорить с вами.

Выйдя на улицу вместе с сыщиком, Файрфилд сказал, улыбаясь:

– Знаете, мистер Картер, глядя на вас, можно подумать, что вы уже успели распутать весь таинственный узел.

– Вот видите, как обманчива моя внешность, – расхохотался Ник Картер.

Затем он в кратких словах разъяснил своему спутнику те предположения, которые были высказаны Диком, Патси и Тен-Итси.

– Прежде всего, – закончил он, – надо теперь посмотреть то, что еще имеется в чемодане. Что нашли вы в нем кроме валиков?

– В чемодане было упаковано вот что: дорогое, изящное дамское пальто, светлая накидка для театра, несколько шелковых юбок, кусок дорогих, старых кружев, несколько колец, брошка и жемчужное ожерелье, затем сильно зачитанный экземпляр Нового Завета и, в довершение всего, сильно испачканная в крови дамская ночная сорочка, с отверстием под левым плечом, как бы от разреза ножом.

– Еще что?

– Еще там были три фотографические карточки, которые я вам потом покажу. Все это я осмотрел только поверхностно, да и зачем мне было ломать себе голову? Ведь все равно

эти вещи не давали никаких указаний.

– Возможно, что я все-таки кое-что обнаружу, – заметил Ник Картер.

Прибыв к себе на квартиру, Файрфилд сейчас же принес чемодан, и Ник Картер стал внимательно рассматривать его содержимое.

Поднимая кверху дорогое дамское пальто, он заметил под петлицей маленькую нашивку с указанием фирмы: «Феликс и К^о, Торонто».

Он ощупал пальто, ища в карманах какие-нибудь бумаги, но ничего не нашел.

Отложив пальто в сторону, Ник Картер вынул из чемодана три юбки из серого шелка, казавшиеся совершенно новыми.

Сыщик постоял немного в раздумье.

– Странно, – пробормотал он наконец.

– Что именно? – спросил Файрфилд.

– Эти три юбки разной величины, стало быть, принадлежали разным лицам, – ответил сыщик и вывернул одну из юбок наизнанку.

Затем он спокойно указал на кусочек полотна, прикрепленный булавкой к нижнему концу юбки. Там ровным почерком было написано: «Оливетта Ларю!»

Ник Картер отложил юбку в сторону, вывернул другую и нашел на ней кусочек полотна с надписью: «Наталья Деланси!»

– Вот это великолепно! – воскликнул сыщик. – Право, ес-

ли бы то лицо, которое устроило все это столь предусмотрительно, находилось здесь, я не преминул бы крепко пожать ему руку.

– О чем вы, собственно, говорите? – изумился Файрфилд, причем на лице его выразилось полнейшее недоумение.

– Сейчас узнаете, дайте осмотреть третью юбку, – ответил сыщик, – готов идти на пари, что на ней мы найдем записочку с именем «Диана»... Вот! Так оно и есть! – воскликнул он сейчас же вслед за тем. – Видите, Файрфилд, я прав! «Диана Кранстон». Отлично! Теперь мы знаем полное имя этой очаровательной женщины. По-видимому, то лицо, которое уложило все эти вещи в чемодан, недаром прищипило все эти записочки.

Затем Ник Картер взял в руки Новый Завет и увидел на заглавном листе имя: «Анджелина Ларю».

– Отсюда я делаю заключение, – произнес сыщик, – что фамилия первого мужа матери Натальи была Ларю и что эту же фамилию носят Рудольф, Макс и Оливетта, а кольца, жемчужное ожерелье и брошка были уложены в чемодан с целью навести на след преступников.

– А для чего сюда же приложены и кружева? – спросил Файрфилд. – Неужели и они имеют особое значение?

– Пожалуй, – задумчиво проговорил Ник Картер, внимательно рассматривая кружева, – дело в том, что это очень дорогие кружева. Вот этот кусок, что у меня сейчас в руке, стоит не менее тысячи долларов! Кружева эти были уложены

в чемодан по нескольким причинам.

– Откровенно говоря, мистер Картер, я не вижу ни одной причины, уж не говоря о нескольких, – со вздохом заметил Файрфилд.

– Прежде всего кружева были уложены в чемодан для того, чтобы заполнить пустое пространство, но, кроме того, отправитель хотел намекнуть на то, что семья, в которой разыгралась кровавая драма, располагает большими средствами. А если подумать, то найдется еще несколько причин. Но давайте посмотрим сначала, что нам скажут прочие вещи.

Он вынул из чемодана окровавленную ночную сорочку и сказал:

– Эта вещь говорит сама за себя, показывая наглядно, каким образом была убита Наталья и куда угодили удары кинжалом.

– Остаются еще три фотографические карточки, – заметил Файрфилд.

– Ну, тут долгого размышления не требуется, – отозвался Ник Картер, рассматривая карточки, – вот это Оливетта, а это Макс; ему лет двадцать пять на вид.

– А эта старая, пожелтевшая карточка, вероятно, изображает мать?

– Да, и притом только эта карточка и исполнена профессиональным фотографом, тогда как две сделаны любителем посредством моментального снимка, легко доступного каждому ребенку при нынешних аппаратах.

После некоторого раздумья Ник Картер обратился к Файрфилду со словами:

– Я попрошу вас теперь уложить все эти вещи обратно в чемодан. Мы сегодня же поедем в Торонто.

– Вам не кажется странным, что в этом чемоданчике имеется такая масса улик? – спросил Файрфилд, тщательно укладывая вещи.

– Как вам сказать, – уклончиво ответил Ник Картер, – по-видимому, отправитель хотел собрать возможно больше улик и притом он старался представить в возможно наглядном виде картину убийства, до сего времени оставшегося необнаруженным.

– Все это я понимаю, – отозвался Файрфилд, – но тогда я не понимаю, почему он отправил чемодан столь легкомысленным способом!

– Вы хотите сказать, что не понимаете отправки его в Нью-Йорк без указания определенного адреса?

– Именно. Меня удивляет не то, что чемодан был отправлен в Нью-Йорк, а то, что здесь о нем никто не заботился. Надо полагать, тут есть какая-нибудь особая причина.

– Вероятно, отправитель не может приехать сюда: или он болен, или немощен. Но я думал, что он мог бы приложить письмо. Скажите, письма в чемоданчике не было?

Файрфилд ответил отрицательно.

– В таком случае я попрошу вас вызвать по телефону главное полицейское управление, сыскной отдел, и спросить там

от моего имени, не поступило ли туда около года тому назад письмо из Торонто или его окрестностей, в котором полиция приглашается востребовать чемодан, адресованный на имя Алексея Делануа и находящийся в обществе «Вельс Фарго». Но предварительно дайте мне молоток и долото, если то и другое имеется у вас под рукой.

– Конечно, есть. У меня очень большой ящик с инструментами.

– В таком случае вместо молотка дайте мне маленький топорик. А теперь идите к телефону, мне надо поработать минут пять.

Файрфилд ушел в соседнюю комнату.

Он слышал стук, а затем шум, как будто кто-то разрывает толстую кожаную подушку.

Но тут с ним заговорили из полицейского управления, и он уже не мог следить за тем, что делал Ник Картер.

Когда он минут через пятнадцать вернулся в библиотечную комнату, глаза его сверкали.

– Мистер Картер! – воскликнул он. – Я, право, не знаю...

Он умолк при виде разрезанного сыщиком чемодана и спросил, смеясь:

– Зачем же вы испортили чемодан?

– Сейчас узнаете. Сначала вы мне скажите, что вам ответили.

– Прежде всего я прошу вас объяснить мне, – начал Файрфилд, – каким образом вы догадались о существовании тако-

го письма? Дело в том, что в свое время главное полицейское управление действительно получило подобного рода письмо. Но там его прочитали и бросили в корзину, так как предположили, что это только чья-нибудь шутка.

– Это на них похоже, – злобно ухмыльнулся Ник Картер, – можно ли поверить, что люди так глупы. Не помнят ли они, по крайней мере, содержания письма?

– Помнят! Инспектор Мак-Глусски – он-то и подошел к телефону, когда я назвал ваше имя – сообщил мне, что помнит, как получил письмо, в котором говорилось о каком-то убийстве в Канаде, причем автор письма указывал на то, что улики вместе с препроводительным письмом высланы в чемодане в Нью-Йорк.

– Вижу, что мой друг Мак-Глусски все-таки кое-что смекнул. Дело в том, что я уже нашел это препроводительное письмо, – заявил Ник Картер, указывая на остатки чемодана, буквально изрезанного им на куски, – я был твердо убежден, что в чемодане должно находиться такое письмо. Не находя его при вещах, я догадался, что отправитель куда-нибудь спрятал его, сообщив вместе с тем полиции о существовании этого письма. Очевидно, инспектор Мак-Глусски уже не помнит этой подробности. Вот, друг мой, ключ ко всей тайне, – продолжал сыщик, указывая на несколько листов исписанной бумаги, – а теперь слушайте, я вам прочитаю, что чуть написано.

Письмо было написано тем же почерком, как и имена на полосках.

Со дня написания письма прошло уже четырнадцать месяцев. В нем было сказано следующее:

«Я хочу в кратких словах, по мере сил и возможности, раскрыть историю одного преступления, или, лучше сказать, нескольких преступлений. Зовут меня Алексей Делануа. Я пишу это письмо в старом доме, скорее похожем на замок; расположен он на вершине горы в Онтарио, а носит он название «Замка Деланси». Он теперь уже в четвертом поколении принадлежит семье Деланси. Из окон замка видны южные берега озера Симоке. Ближайшая железнодорожная станция называется Бальдвинь и находится отсюда на расстоянии шести миль к юго-востоку. Мой отец, дед и даже прадед служили семье Деланси в качестве дворецких и управляющих. Я тоже занимал ту же должность, хотя моя работа была весьма немногосложна, так как я с самого детства калека. Мистер Александр Деланси был добрый, хороший хозяин. Я никогда ни в чем не нуждался и пользовался удобным приютом здесь в замке. Двадцать лет тому назад хозяин женился на вдове Анджелине Ларю, у которой было трое детей – тройняшек: Макс, Оливетта и Рудольф. Макс и Оливетта были похожи друг на друга как две капли воды, Рудольф же совершенно непохож на них. Через год после женитьбы родилась девочка, нареченная именем Наталья. Мать умерла

от родов. Чтобы рассеять свое горе, мой хозяин отправился путешествовать и оставил детей на руках у прислуги. В доме проживала также гувернантка, вдова, у которой была дочь по имени Диана. Эта Диана не жила в замке, и я в первый раз увидел ее лишь недавно. Мой хозяин был очень богат и пользовался известностью благодаря своей учености. Министры не раз обращались к нему за содействием в сложных государственных делах. В настоящую минуту, когда я пишу это письмо, он находится со мной в одной и той же комнате, безнадежно больной, слабоумный. Он сделался таким вследствие удара, нанесенного ему в затылок Рудольфом. Я попытаюсь вызвать врача, но пока приходится еще оставаться в моей комнате, иначе нас обоих найдут и убьют. Преступники все еще находятся в замке, и нельзя знать, долго ли они еще там останутся. После смерти своей горячо любимой жены мой хозяин был в отсутствии целых десять лет и в течение всего этого времени здесь в замке распоряжалась гувернантка, госпожа Кранстон. Так как я сам калека и часто вынужден оставаться в постели, то я почти не видел, что делается в доме. Пищу мне приносили в мою комнату, а я сам лишь изредка сходил вниз. Я жил в полном одиночестве, и почти никто из обитателей замка не знал о моем существовании. Когда хозяин вернулся домой, в его сердце проснулась любовь к Наталье, он взял ее с собой и отдал в женский монастырь во Франции для воспитания. Спустя год она вернулась сюда. Я ограничусь описанием лишь того,

что мне доподлинно известно, и не буду высказывать предположений и подозрений: месяца три тому назад хозяин вдруг появился в замке. Он зашел ко мне и спросил, не знаю ли я, где находится и что делает Наталья. Я с чистой совестью мог ему ответить, что ничего не знаю. После этого мистер Деланси рассказал мне, что он страшно взволнован, так как его любимая дочь сбилась с пути истины, будучи побуждена к этому ее братьями и сестрой. Он высказывал это в виде предположения, так как он сам сознался, что доказательств у него никаких нет. На другой день он опять уехал, чтобы отправиться на поиски Натальи. Так как мне мало известен этот грустный отрывок всей истории, то я не стану о нем распространяться. После этого я увидел моего хозяина уже только в тот ужасный момент, когда нашел его в луже крови у подножия скалы; оттуда его сбросил Рудольф, который, очевидно, думал, что старик разбился насмерть. Спустя несколько дней после вышеупомянутого посещения хозяина в замке вдруг появились Макс, Рудольф и Оливетта. С ними явилась еще какая-то четвертая девушка, которая, однако, никому не показывалась на глаза; говорили, что это и есть Диана Кранстон. Теперь-то я хорошо знаю, что это была вовсе не Диана, а несчастная Наталья, которую привезли сюда, в замок ее отца, в качестве пленницы. Ее заперли в одной из комнат западного флигеля, наиболее хорошо обставленного. После, когда действительно появилась Диана, я уже успел узнать мрачную тайну, окружавшую бедную

Наталью. В этом старом замке имеется несколько потайных коридоров и лестниц, расположенных в промежутке между двойными стенами. Я знаю все эти проходы. Одним из них я воспользовался и очутился в помещении под той комнатой, где находилась Наталья.

Я тайком вырезал отверстие в потолке и таким образом мог переговариваться с пленницей. Наталья сообщила мне о замысле Макса, Рудольфа и Оливетты и умоляла меня известить ее отца и вызвать для оказания помощи. Но ведь я – несчастный калека и едва передвигаюсь на ногах! Лишь изредка я мог видаться с Натальей. Во время одного из таких свиданий она сообщила мне, что собирается рассказать о своем несчастье находящемуся в ее комнате фонографу и что она просит меня, в случае ее смерти, захватить валики и бережно хранить их. Я обещал ей сделать все, что в моих силах, но тут-то я в первый раз возроптал по поводу того, что я калека! Бывает, что я по два, по три дня мучаюсь в непрекращающихся судорогах, а в такое время я не только не могу двинуться с места, но и сделать хотя бы малейшее движение пальцами. Впрочем, я и забыл упомянуть о том, что с прибытием двух братьев и Оливетты мне было приказано выехать из замка. Я для виду исполнил это приказание, на самом же деле спрятался в одном из укромных уголков, известных одному только мне. Я твердо убежден в том, что Макс, Рудольф и Оливетта внушили моему хозяину мысль, будто Наталья сбилась с пути, исключительно для того, чтобы заставить его изменить завещание.

Но он не исполнил этого, и поэтому заговорщикам не удалось присвоить себе огромное состояние семьи Деланси. Я полагаю, что они привезли сюда Диану Кранстон, очень похожую на Наталью, с целью выдать ее за настоящую Наталью. Обман должен был увенчаться успехом, так как сама Наталья почти не показывалась за пределами замка. Диана держалась в стороне от Натальи, так как последняя, очевидно, не должна была знать о том, что в замке имеется лицо, чрезвычайно на нее похожее. О, зачем я калека! Если бы я был здоров, я сумел бы освободить бедную Наталью и спасти ее от ужасной смерти. Но я не имел возможности сделать это и не мог вовремя проломать отверстие в стене ее комнаты. Если бы мне удалось сделать это, то она была бы спасена, так как по той двойной стене проходит коридор в другие помещения. Когда мне, наконец, удалось пробить отверстие, то было уже поздно, Наталья уже была убита! Если бы преступники замешкались еще на один день, я вырвал бы у них жертву и доставил бы ее в такое место, где ее нельзя было бы найти. Но мне пришлось ограничиться ролью невидимого свидетеля злодеяния. Диана, Оливетта, Макс и Рудольф были все в комнате, а я смотрел в отверстие в потолке. Я пришел для того, чтобы сообщить Наталье о том, что на следующий день мне удастся спасти ее. Ее убил Макс, ударив кинжалом в грудь. Еще прежде, чем он успел совершить преступление, Наталья выстрелила в Оливетту, но, очевидно, пуля только слегка контузила ее, так как

на другой день она уже была вполне здорова. Правда, она носила повязку на голове. Я хотел бы прокричать по всему миру, что в убийстве виновны все вместе, хотя Макс один покончил с нею. Все они находились в комнате и хохотали, когда злодеяние было совершено и жертва лежала на полу в луже крови. Тогда я услышал, что мой хозяин со дня на день должен приехать. К сожалению, подробностей я не узнал. Когда Наталья упала на пол, я лишился чувств. Когда я очнулся, Оливетта и Диана убирали тело Натальи, готовя его к погребению. Они сняли с нее ночную сорочку и закутали ее в грубую парусину. Через час вошли оба брата и вынесли труп. Должен сказать, что мне удалось выследить их. Я видел, как они выехали на лодке на озеро и там погрузили тело Натальи в воду. Насколько я успел заметить, они нагрузили труп тяжелыми гириями. Но я хорошо запомнил место, а впоследствии приспособил там маленький буй, прикрепленный таким образом, что он находится на несколько вершков ниже поверхности воды. Еще до рассвета мне удалось проникнуть в комнату, где была убита Наталья. Я взял с собой все то, что уложил в чемодане. Вынося вещи, я слышал, как внизу убийцы смеются и шутят. Они справляли свое торжество. Вследствие этого мне было нетрудно прокрасться в их спальни и похитить оттуда то, что мне казалось нужным. Я прикрепил к юбкам записочки с именами, так что тот, кто прочитает мое письмо, может составить себе понятие о росте каждой девушки в отдельности. На фотографических карточках

изображены Макс, Оливетта и их мать. Валики говорят сами за себя. К сожалению, я не знаю, что именно на них запечатлелось, а что касается последнего, то я боюсь, что повредил его, так как я должен был быстро снять его с фонографа. Я устал, силы меня оставляют, не могу больше писать.

Теперь я поправился настолько, что могу снова взяться за перо. Заговорщики воображают, что мой хозяин убит. После того как я с невероятным трудом перенес его с берега, я увидел, как оба брата искали его труп. Не найдя его, они, вероятно, вообразили, что убитый унесен волнами. Я уповаю на Бога, что мой хозяин останется жив, хотя я в этом и не уверен. Он почти всегда лежит в забытьи, но дышит правильно и ест хорошо. Порой он смотрит на меня вопросительным взглядом, а говорить, даже шевелить губами все еще не может! Я отправлю маленький чемодан на свое собственное имя в Нью-Йорк. Охотнее всего я послал бы его в Торонто, но боюсь, что там Макс может испортить мне все дело. Он ухитрился бы свести мои показания на нет, охарактеризовав их просто галлюцинациями, и тогда ужасные преступники вышли бы сухими из воды. Я хорошо знаком с одним рыбаком, который живет в хижине на расстоянии часа ходьбы от замка. Он доставит чемодан на станцию и отправит его в Нью-Йорк. Я дал ему задаток в пять долларов и еще столько же, когда он доставит мне расписку в принятии груза. Вместе с тем я напишу письмо на имя начальника нью-йоркской полиции, в котором буду

просить принять чемодан в обществе «Вельс Фарго», ознакомиться с тем, что в нем хранится, и снестись с властями в Канаде, с целью задержания преступников и предания их суду. После всего этого я буду ждать, если только Господь Бог продлит еще мою жизнь, пока явится кто-нибудь и проверит мои показания. Я сделаю все, что в моих силах, для моего хозяина. Как только представится возможность, я вызову врача; но я могу уйти лишь ночью, так как иначе попаду в руки преступников, и тогда мой бедный хозяин должен будет умереть с голоду. Мне кажется, преступники останутся в замке еще только несколько дней, во всяком случае, не больше недели. Вероятно, они теперь заявят властям о смерти своего отчима, а затем начнут хлопоты о выдаче им его состояния, причем Диана Кранстон заменит убитую Наталью. Я, однако, не думаю, чтобы им удалось захватить свою добычу. Как бы невероятно не было мое повествование, я клянусь, что в нем изложена одна лишь сущая правда! Возможно, что я не сумел изобразить происшедшее с достаточной ясностью, но всякий, кто прочитает мое показание, примет во внимание состояние моей души и мою болезнь, не говоря уже о судорогах в пальцах во время писания. Я и сам удивляюсь, как я сумел изложить все это на бумаге! Тот, кто живет в счастье и здоровье, не может понять горя обездоленных! Он пройдет мимо и не обратит серьезного внимания на мое повествование! А теперь препоручаю мое письмо воле того, кто управляет миром! Он найдет

способ и возможность покарать убийц прелестной, юной девушки! Я уповаю на Бога! О, если бы я мог пробить отверстие в стене одним днем раньше! Но не суждено было! Воля Всевышнего неисповедима! В чьи бы руки ни попало это письмо, я умоляю и заклинаю его сделать все, что возможно, чтобы виновные были преданы суду. Убийство невинной девушки должно быть отомщено! Еще раз заклинаю сделать все по мере сил и возможностей!

Алексей Деланца».

Часом позднее Ник Картер сидел у себя дома.

Вдруг к нему ворвался Тен-Итси, весь красный от волнения.

– Ну, что скажешь? – спросил сыщик. – Ты, должно быть, узнал в редакции газеты «Глобус» подробности о семье Деланси?

– Да! Но разве вы уже знаете?

– Я тоже успел узнать кое-что, но ты все-таки рассказывай, что у тебя нового. Говори все, что знаешь, да поторопись, потому что через час мы едем в Торонто. Я беру с собой только тебя, Дик и Патси останутся дома.

– Вот спасибо! Я уже давно хотел поработать с вами вместе, – ответил Тен-Итси, радостно улыбаясь.

– Перейдем к делу: ты, стало быть, вызвал редактора газеты «Глобус»?

– Да, согласно вашему распоряжению.

– Ну и что же?

– Я назвал ему вашу фамилию, после чего он сразу стал весьма предупредителен.

– Это неинтересно. Лучше расскажи мне, что он сообщил тебе о семье Деланси, в частности о нынешнем главе этого семейства.

– Фамилию Деланси он хорошо знает. Главой семейства состоит некий Александр Деланси, второй сын какого-то английского герцога, очень богатый человек. По словам редактора газеты, он в свое время женился на вдове Ларю, у которой от первого мужа было трое детей: Рудольф, Макс и Оливетта. Судя по этому, мы можем не сомневаться в том, что это именно та семья, которая нас интересует.

– Совершенно верно.

– Дети эти носят фамилию Ларю, – продолжал Тен-Итси, – отец их был коммерсантом в Квебеке, а мать, замечательная красавица, умерла сейчас же после рождения Натальи.

– Что за человек был сам Александр Деланси?

– Он был одним из вожakov правительственной партии в парламенте и пользовался большим уважением. Около года тому назад он вдруг куда-то исчез, и никто не знает, где он скрывается.

– Да, об этом я уже знаю, как и о причинах, вызвавших это исчезновение.

– В таком случае мне не для чего продолжать? – спросил Тен-Итси.

– Напротив, я хочу слышать все хотя бы для того, чтобы

сравнить твои сведения с имеющимися у меня данными и судить о их ценности. Говори, не стесняйся.

– Могу похвастаться, начальник, что у меня есть известие, которое поразит даже вас.

– Вот как? Я слушаю.

– Нет, так быстро нельзя. Поспесишь – людей насмешишь! Я должен рассказывать все по порядку.

– Отлично, я вооружусь терпением.

– Прежде всего вот что: Александр Деланси владеет большим имением с замком на южном берегу озера.

– Знаю.

– Незадолго до своего исчезновения он отправился именно туда.

– Тоже знаю.

– Но там никто не заметил его прибытия.

– Вот уж это не совсем так.

– Нет, позвольте. Его пасынки и падчерица в то время находились в замке, а они в один голос утверждают, что их отчим не приезжал туда.

– Нашел кому верить, – насмешливо заметил Ник Картер, – я сгораю от нетерпения познакомиться лично с этими господами. Ну, а что скажешь еще?

– По словам редактора, старик Деланси чуть не лишился рассудка вследствие утраты своей дочери Натальи. Он объехал чуть ли не полсвета в ее поисках и, в конце концов, не найдя ее, впал в глубокую меланхолию. Здесь и начинается

загадка: очевидно, Александр Деланси был какой-то маньяк, так как Наталья, пока отец искал ее по белу свету, спокойно проживала в замке.

– Так, так.

– Серьезно, начальник, – уверял Тен-Итси, очевидно, не понявший смысла замечания Ника Картера, – Наталья находилась в замке вместе с Рудольфом, Максом и Оливеттой, а так как эти последние, члены всеми уважаемого семейства, подтверждают это, то никто не сомневается в правдивости их показаний.

– Ну, конечно, – насмешливо заметил Ник Картер, – а где же теперь находится достойная и добродетельная Наталья?

– В городском доме семьи Деланси, одном из лучших зданий Торонто, как говорил мне редактор. Кстати, она теперь возбудила ходатайство о признании ее отца умершим и о передаче его состояния в ее руки.

– Так, так.

– Неужели вы не поражены этими разоблачениями? – спросил Тен-Итси.

– Я-то? Напротив. Я ничего другого и не ожидал.

– Что вы этим хотите сказать? – недоверчиво проговорил Тен-Итси.

– Только то, что я на самом деле и сказал.

Молодой японец, по-видимому, был сильно разочарован.

– А я вообразил, что вы изумитесь. Вижу теперь, что ошибся.

– Думаю, что мне удастся больше удивить тебя, – спокойно произнес Ник Картер. – Слушай же: мнимая Наталья на самом деле не кто иная, как Диана Кранстон, а настоящая дочь Александра Деланси была убита и труп ее погружен в озеро.

Тен-Итси вытаращил глаза на Ника Картера, не веря своим ушам.

– Неужели вы говорите серьезно? – проговорил он наконец. – Неужели Наталья...

– Да, да, теперешняя Наталья вовсе не Наталья, а Диана Кранстон, дочь прежней гувернантки в доме Деланси, – повторил сыщик со злобной улыбкой. – Но это пока неважно. Мне надо прежде всего знать, находятся ли все эти почтенные молодые люди в городском доме в Торонто или в другом месте?

– Нет, редактор говорил мне, что они несколько дней тому назад переехали в замок у озера.

– В таком случае мы поедем в этот замок, стены которого круто спускаются к берегам голубого озера.

День клонился к вечеру.

Лучи солнца уже ложились косыми линиями на башни и крутые крыши замка Деланси, выстроенного в средневековом стиле.

По извилистой проезжей дороге ехала коляска, в которой сидели четыре человека.

То были Ник Картер, напротив него сидели Тен-Итси и Файрфилд, а рядом пользовавшийся весьма лестной репутацией даровитого сыщика начальник торонтской полиции Муррей.

Наконец коляска подъехала к воротам и все четверо выпрыгнули на землю.

Ник Картер по условию, заключенному с Мурреем, взял на себя роль предводителя.

Начальник торонтской полиции был лично известен Рудольфу и Максу, и потому он держался до поры до времени в тени, чтобы не возбуждать раньше, чем следовало, подозрения преступников.

Ник Картер подошел к массивным дубовым воротам и несколько раз позвонил.

Прошло несколько минут, но никто не являлся.

Лишь когда Ник Картер снова позвонил еще сильнее, кто-то изнутри отодвинул засов.

Открылось маленькое решетчатое оконце, и оттуда выглянул какой-то мужчина.

Увидев коляску и четырех мужчин, он открыл ворота и ворчливым тоном спросил:

– Что угодно?

– Мы – чиновники гражданского суда города Торонто и явились для описи имущества покойного Александра Деланси, – заявил Ник Картер, придавая себе важную осанку чиновника, явившегося по служебным обязанностям.

– Прикажете доложить о вас?

– Конечно. Имен не нужно. Скажите только, что явились чиновники суда, этого будет вполне достаточно.

И сыщик вместе со своими спутниками вошел в большой вестибюль.

Лакей проводил их в огромную приемную комнату, а затем скрылся, чтобы доложить своим господам о прибывших чиновниках.

Ник Картер сейчас же распределил роли.

– Производство ареста относится к вашей обязанности, Муррей, – проговорил он, – так как мы находимся на территории Канады.

– Разумеется, – отозвался начальник полиции.

– Вы, Файрфилд, становитесь вот здесь, у входной двери, – обратился Ник Картер к молодому человеку.

Своего помощника Тен-Итси он поставил с другой стороны двери.

– Помните, господа, – шепнул сыщик, – отсюда не должен уйти ни один из них.

– А если они явятся не все вместе?

– Об этом говорить вряд ли приходится, – ответил Ник Картер, – весть о прибытии чиновников по делу наследства заставит их всех прийти.

– Это верно, – заметил Муррей. – Они вообразят, что дело касается судебных формальностей, которые предшествуют выдаче наследства наследникам. Они все захотят узнать, для

чего именно явились сюда целых четыре чиновника. Кроме того, взаимное недоверие, а оно всегда существует между преступниками, в каких бы приятельских отношениях они ни были, заставит их всех присутствовать при дележе добычи!

Ник Картер, прислушивавшийся у двери, вдруг сделал знак рукой.

– Идут, – шепнул он.

В коридоре раздались шаги.

Спустя секунду отворились двери, и на пороге появилась неуклюжая, широкоплечая фигура мужчины крайне несимпатичной наружности, в лице которого Ник Картер сразу узнал Рудольфа Ларю.

Он вошел в комнату с гордо поднятой головой, недоверчиво взглянул на стоявшего напротив двери сыщика.

За ним по пятам следовали его сообщники.

Мнимый судейский чиновник приветствовал вошедших сухим поклоном.

После Рудольфа вошла Диана.

Она была красива, а поверхностному наблюдателю она должна была казаться воплощением невинности.

Но опытный сыщик смотрел глубже.

Он сразу же заметил, что Диана – женщина лицемерная и лживая.

Затем вошла Оливетта.

Она тоже была красива; фигура ее отличалась гибкостью

и стройностью, свойственной тигрице.

Последним вошел Макс.

Он был поразительно похож на свою сестру, и если бы у него не было усов, то его можно было бы принять за переодетую женщину.

В комнате царила полутьма, так что Рудольф не сразу узнал хорошо известного ему начальника полиции, хотя тот прямо подошел к нему.

– С кем имею честь говорить? – спросил Рудольф своим густым басом, хорошо знакомым сыщику благодаря валикам. – Мне доложили, что вы явились по делу наследства...

Он не договорил, так как в этот момент узнал Муррея.

– Это вы, мистер Муррей? – спросил он и невольно изменился в лице. – Какими судьбами явились вы сюда?

Внезапный удар грома не мог бы произвести более потрясающего впечатления на Рудольфа, нежели ответ начальника полиции.

– Я явился сюда для того, чтобы арестовать вас и ваших троих сообщников по обвинению в убийстве Натальи Деланси! Именем короля я арестую вас!

Но Рудольф был из числа тех, кто никогда не теряется. Он моментально оправился от первого испуга.

Начальник полиции еще не успел договорить, как уже раздался выстрел. Рудольф моментально выхватил револьвер и выстрелил в Муррея.

Если бы не Ник Картер, начальник полиции был бы убит.

Но сыщик предвидел подобный оборот дела и потому следил за каждым движением Рудольфа.

В тот самый момент, когда он заметил револьвер в руке преступника, он подскочил к нему и отвел его руку в сторону.

Пуля просвистела над головой Муррея и разбила дорогое венецианское зеркало.

Поднялась страшная суматоха.

– Смерть тебе! – заревел Рудольф с искаженным от ярости лицом и накинулся на сыщика, как хищный зверь.

Но Ник Картер швырнул его на ближайшее кресло и железной рукой схватил за горло.

Несмотря на отчаянное сопротивление, Рудольф ничего не мог поделать со страшной силой своего противника.

Через секунду он был в наручниках.

Макс попытался бежать к двери, но безуспешно.

Его схватил Тен-Итси и одолел моментально.

Диана Кранстон с криком ярости выхватила кинжал и замахнулась на Муррея.

Оливетта, подобно Максy, бросилась бежать, но ей заступил дорогу Файрфилд, схватил ее за руку и не выпускал, несмотря на то что она отчаянно отбивалась.

С поразительным хладнокровием Муррей отвел руку Дианы Кранстон, сделал какое-то быстрое движение – и оружие упало на ковер, а преступница испустила громкий крик боли.

Через секунду она уже была в наручниках.

Затем Муррей подошел к яростно отбивавшейся Оливетте и надел ей другую пару наручников.

– Ура! Победа по всей линии! – кричал Тен-Итси.

Вдруг слышались чьи-то шаги.

Ник Картер увидел на пороге какого-то маленького горбатого человека, с трудом передвигавшегося при помощи палки и костыля.

Взглянув на его некрасивое, бледное лицо и ясные глаза, он сразу догадался, кто был этот калека.

Это был не кто иной, как автор найденного в чемодане письма, очевидец ужасного преступления.

– Вы Алексей Делануа? – спросил сыщик.

– Да, это я. А вы, вероятно, будете чиновник нью-йоркской полиции, которому я написал письмо?

– Не совсем так, но это в данном случае безразлично, – ответил Ник Картер. – Прошло много времени, пока чемодан со всем его содержимым попал в мои руки, но все-таки ваше желание теперь исполнено, как видите.

– Слава богу, – ответил старик. – Слава богу, что все вышло наружу.

Рудольф и его сообщники разразились градом проклятий и угроз, когда услышали, что их выдал старик-дворецкий.

Но тот только презрительно отвернулся.

– Как чувствует себя мистер Александр Деланси? Жив ли он еще? – спросил Ник Картер.

Преступники, не веря своим ушам, слушали старика-калеку, лицо которого озарилось тихой радостью.

— Да, он жив. Господь даровал мне силу помочь ему, — ответил он. — И теперь он останется жив. Он чувствует себя намного лучше и продолжает поправляться. Как я счастлив, что дожил до этого дня. Мой хозяин почти совсем здоров благодаря стараниям вызванного мною врача.

Затем калека проводил Ника Картера и его спутников в потайную комнату, о существовании которой преступники не имели понятия.

Там они увидели Александра Деланси и убедились, что верный слуга его был прав.

Правда, Деланси был еще слаб и немощен, но он уже вполне владел своими умственными способностями и находился на пути к полному выздоровлению.

Комната, в которой была убита Наталья Деланси, находилась еще в том же виде, как в день совершения преступления.

Фонограф стоял на своем прежнем месте, покрытый пылью и паутиной.

По словам дворецкого, Наталья давно владела этим фонографом, который был оставлен ей преступниками для времяпрепровождения.

За кроватью было обнаружено отверстие, пробитое преданным дворецким и оконченное им на день позднее совершения убийства.

Арестованные преступники в тот же день были переведены в подследственную тюрьму города Торонто. Улики были настолько неоспоримы, что в обвинительном приговоре не приходилось сомневаться, тем более что старик-дворецкий являлся очевидцем всего злодеяния.

Общество нисколько не сомневалось в том, что злодеи будут приговорены к смертной казни.

Но оказалось, что преступники сумели провести и судей и полицию. Ник Картер и Тен-Итси вернулись в Нью-Йорк. Сыщику тогда и не снилось, что два года спустя к нему на квартиру явится сама Диана.

Адская женщина

– Вас желает видеть какая-то дама, мистер Картер, – доложил Иосиф, лакей знаменитого сыщика.

Ник Картер сидел в своем рабочем кабинете с душистой сигарой и был занят изучением подробностей одного весьма интересного дела.

– Дама? – переспросил сыщик, видимо недовольный тем, что ему помешали. – Кто она такая?

– Она поручила мне передать вам, что давно с вами знакома.

– Боже мой! Мало ли кто со мной давно знаком, – проворчал Ник Картер, – разве она не назвала себя?

– Нет. Она сказала, что как только вы увидите ее, то сразу узнаете.

– Странно, – отозвался сыщик и нахмурил брови, – пойд и скажи ей, что я принципиально не принимаю никого, кто не называет своей фамилии.

Лакей ушел, но через минуту уже вернулся.

– Ну что еще? – нетерпеливо спросил Ник Картер. – Она еще не ушла?

– Нет, она не хочет уходить, – ответил Иосиф, – и просила передать, что ее зовут Дианой Кранстон.

Сыщик в изумлении поднял голову и отложил сигару в сторону.

– Что такое? Ты не ошибся? Диана Кранстон? – спросил он, покачивая головой.

– Именно Диана Кранстон. Я хорошо запомнил, мистер Картер.

– Какова она из себя?

– Она одета очень изящно, – сообщил Иосиф, – да и сама прелесть какая хорошенькая. А глаза у нее такие, что мне даже жутко стало.

– Ого, Иосиф, ты никак на старости лет влюбиться задумал? – проговорил Ник Картер. – Знай же, что это очень опасная красавица. Хотел бы я, однако, знать, каким образом она могла появиться у меня в доме. Куда ты проводил ее? В приемную или кабинет?

– В кабинет, потому что в приемной теперь как раз идет уборка. Прикажете ее выпроводить оттуда?

– Нет. Дай-ка мне вот с того стола зеленую книгу с надписью на обложке «Канадские дела».

Сыщик начал перелистывать книгу, пока не нашел то, что ему нужно было. Затем он задумчиво посмотрел на лакея, ожидавшего у двери.

– Помнишь ли ты еще, Иосиф, то дело, за которое я взялся благодаря мистеру Файрфилду и в котором большую роль играла дюжина валиков фонографа?

– Еще бы, – отозвался Иосиф, – какая-то молодая девушка была увезена своими братьями и сестрой в уединенный замок на берегу озера, где ее и убили. Она рассказала свою

историю фонографу, валики которого спустя некоторое время были найдены, и таким образом преступление было раскрыто.

– Совершенно верно. Я успел уже почти забыть об этом деле, – ответил сыщик, – вот ведь как время бежит. С того времени прошло уже более двух лет. Но ведь это просто-таки невероятно. Посетительница, которая сидит теперь в кабине, и есть одна из преступниц. Она была арестована вместе со своими сообщниками, двумя мужчинами и одной девушкой. Убийство было совершено одним из мужчин, Максом Ларю, но душой всего заговора была именно эта – Диана Кранстон, дочь прежней воспитательницы несчастной жертвы.

– А разве суд не нашел ее виновной? – спросил изумленный Иосиф.

– Конечно, и приговорил ее к десятилетнему тюремному заключению. Не понимаю, каким образом она могла так скоро очутиться на свободе?

– Быть может, она бежала из тюрьмы?

– Послушай, Иосиф, какой ты, право, чужак. Неужели ты думаешь, что тогда Диана Кранстон решилась бы явиться ко мне?

На лице Иосифа появилось выражение полного недоумения.

– Да я так только подумал, – проговорил он.

Но сыщик его уже не слушал. Он опять перелистывал кни-

гу, куда заносил свои заметки, касающиеся выдающихся случаев из своей практики.

– Вот и нашел, – пробормотал он, – убитую звали Натальей Деланси. Говорят, она была поразительно красива. Отец ее, человек богатый и всем известный, по имени Александр Деланси, женился на вдове с тремя детьми, которая и умерла после рождения Натальи. Дети покойной супруги Деланси от первого мужа были известны своим дурным характером. При помощи Дианы Кранстон они составили заговор против своего отчима и против Натальи, чтобы завладеть огромным состоянием старика.

– Но каким же образом попала сюда эта женщина и чего ей нужно от меня?

– Да, и я хотел бы знать это, мистер Картер, – заявил Иосиф самым серьезным образом, – не спросить ли мне ее?

– Знаешь ли, Иосиф, ты поражаешь меня своей находчивостью, – рассмеялся Ник Картер, – я охотно бы дал тебе поручение выпроводить ее на свежий воздух без всяких разговоров. Но как бы преступна она ни была, нельзя забывать, что она женщина и как таковая имеет право требовать вежливого обращения.

Ник Картер умолк и задумался, а потом приказал лакею:

– Попросите-ка моего двоюродного брата Дика пожаловать ко мне поскорее. А даме скажи, что я приму ее через несколько минут.

Когда помощник Ника Картера Дик вошел в рабочий ка-

бинет своего начальника, последний встретил его с многозначительной улыбкой.

– Угадай, Дик, кто сидит теперь внизу в кабинете?

– Понятия не имею.

– Диана Кранстон.

– Что такое? Диана Кранстон? Этот прелестный демон? – вне себя от изумления воскликнул Дик. – Да ведь она сидит в тюрьме? Как попала она сюда?

– Я знаю это не лучше тебя.

– А что ей угодно?

– Тоже не знаю.

– Но ведь ты звал меня к себе не зря, не правда ли?

– Конечно нет. Переоденься немедленно и выследи ее, когда она уйдет. Постарайся разузнать о ней как можно больше. Дело твое, какие меры ты примешь для достижения этой цели, но я в самом ближайшем будущем хочу получить подробные сведения о Диане Кранстон.

– Будет исполнено.

– Эта коварная женщина явилась в Нью-Йорк, конечно, не для того только, чтобы засвидетельствовать мне свое почтение, – продолжал Ник Картер, – я уверен, она затеяла что-то новое. Она ведь одержима духом алчности и наживы, и после того, как миллионы Деланси ей улыбнулись, она знает только одну-единственную цель жизни: захватить как можно больше денег и отомстить нам.

– Что ж, таким образом нам представляется случай снова

обрезать ей когти, – заметил Дик, – Впрочем, ведь из тюрьмы она вряд ли бежала?

– Конечно нет, – ответил Ник Картер, – тогда она не явилась бы ко мне. Но ты, вероятно, помнишь, что семья Деланси пользовалась огромным влиянием, и ее, по всей вероятности, помиловали. Впрочем, это мы скоро узнаем. Так вот, одевайся как можно скорее и принимайся за дело.

– Не беспокойся, Ник, – ответил молодой сыщик с самоуверенным видом, – я великолепно наряжусь бонвиваном, прожигателем жизни, у которого много шальных денег. Быть может, мне в таком виде удастся даже завязать с ней знакомство.

– Мысль не дурна, – согласился Ник Картер, – а я постараюсь задержать ее в кабинете по крайней мере на полчаса.

Иосиф был прав.

Диана Кранстон была очаровательно красива.

При появлении сыщика она приподнялась, чтобы приветствовать хозяина дома.

Но на Ника Картера женские чары, в особенности красота, не действовали.

Он хорошо знал, что за этой прелестной оболочкой таится коварная душа.

Он смерил посетительницу с головы до ног холодным взглядом.

– Вы, конечно, не ожидали меня видеть, – заговорила Ди-

ана мелодичным голосом.

– Не ожидал, – отрезал Ник Картер почти невежливо.

– И еще больше вас поражает то, что я вообще имела возможность явиться? – прибавила она с едва заметным оттенком иронии.

– Очень поражает, – спокойно ответил Ник Картер, – по моему расчету вы теперь должны были бы еще сидеть в тюрьме, куда попали благодаря неуместной мягкости присяжных, которые должны были бы, по справедливости, приговорить вас к смертной казни.

– Вы очень любезны, мистер Картер, – заметила Диана Кранстон и надменно взглянула на сыщика.

– Не слишком, но, во всяком случае, я откровенен. Но оставим лучше эти фразы. Будьте добры сказать мне коротко и ясно, по какому делу вы явились ко мне?

– Этого я в двух словах не могу сказать, – ответила Диана с насмешливой улыбкой и снова опустилась в кресло, – впрочем, прежде всего должна вам заявить, что я не бежала из заключения, а была помилована.

– Иначе и не могло быть, – холодно отозвался Ник Картер, – хотя я нисколько не сомневаюсь в том, что вы были бы способны и на побег. Но тогда вы, по всей вероятности, не явились бы ко мне, так как рисковали бы тем, что я кратчайшим путем отправил бы вас обратно в тюрьму. Но теперь я попрошу вас говорить о деле, приведшем вас сюда.

Ник Картер стоял посреди комнаты, скрестив руки на гру-

ди.

– Быть может, вам интересно также узнать, что братья и сестра Ларю тоже уже не находятся больше в тюрьме? – снова заговорила Диана тем же насмешливым тоном.

– Это меня не интересует, пока мне до них никакого нет дела.

– Рудольф сошел с ума, и его отправили в дом для умалишенных преступников.

– Хитро придумано, – заметил Ник Картер со злобной улыбкой, – благодаря этому он избежал виселицы.

– Макс умер, – продолжала Диана, – он повесился в своей камере. Оливетта тоже уже не в тюрьме, а в тюремной больнице. Что касается меня, то я хотела сказать, что я была помилована по ходатайству министра внутренних дел, после того, как два года томилась в тюрьме.

– Я лично глубоко сожалею о том, что вас так скоро выпустили, – насмешливо заметил Ник Картер.

– Да знаете ли вы, что мне пришлось выстрадать в этом земном аду? – воскликнула Диана, причем голос ее задрожал и глаза засверкали, – там, где мне не доставало того комфорта, без которого я просто жить не в состоянии? Рассказать ли вам, до каких пределов выросла во мне ненависть к тому, кто был причиной моего заточения? Что эта ненависть охватила все мои мысли и чувства и что я имею теперь одно лишь безумное желание, ненасытную жажду мщения?

Произнося эти слова, Диана страшно изменилась в лице.

Глаза ее метали молнии. Полные губы дрожали от волнения, лицо приняло столь грозное выражение, что ее трудно было узнать.

Всякий, кто увидел бы Диану Кранстон в таком состоянии, понял бы, что она могла быть страшным, неумолимым врагом.

А Ник Картер при виде этой страстной вспышки только пожал плечами.

– Неужели вы не понимаете, какое ужасное несчастье вы мне причинили? – произнесла Диана.

– Вам не стоит говорить об этом, – холодно ответил сыщик, – ядовитой змее, чтобы обезвредить, следовало раздавить голову.

– Этого оскорбления я вам никогда не прощу, – прошипела она. – Я скажу вам, для чего я явилась сюда.

– Вероятно, только для того, чтобы попусту беспокоить меня.

– Нет! Для того чтобы сказать вам, как я вас ненавижу! Чтобы известить вас о том, что я снова на свободе, что буду проклинать вас до последнего своего издыхания, так как вам обязана пребыванием в тюрьме, в этом аду, пытки которого я должна была безропотно сносить! И еще я явилась для того, чтобы заявить вам, что отомщу вам за все причиненное мне зло!

– Что это, угроза, что ли? – презрительно спросил Ник Картер.

– Думайте, как хотите, – воскликнула она и злобно захотала, – ведь вы, говорят, великолепно умны.

– Вы скоро закончите ваши словоизвержения? – спросил Ник Картер.

– Нет еще! Я хотела вам заявить, что сегодня Рудольф ночью совершит побег из дома умалишенных!

Если Диана ожидала изумить сыщика этим заявлением, то сильно ошиблась.

Он принял ее сообщение с таким равнодушным видом, что она не удержалась спросить:

– Неужели вы полагаете, что можете игнорировать мои угрозы?

– Они не производят на меня решительно никакого впечатления, – спокойно возразил Ник Картер, – и вы сами будете интересоваться мной только начиная с того момента, когда снова встанете на путь преступлений. Причем я вам теперь уже обещаю, что во второй раз вас будут судить не мягкосердечные присяжные и что тогда не избежать эшафота.

– Приговор суда был вполне справедлив! Я не убивала Наталью!

– Конечно, вы были слишком умны для этого. Но кто руководил всем заговором, кто заставлял плясать марионеток? Смертельный удар нанес, правда, Макс Ларю, но сам план убийства возник в вашем мозгу. Но теперь довольно. Я обычно вежлив с дамами, но беседа с вами мне отвратительна. Потрудитесь сказать, что вам от меня угодно, и уходите

из этого дома.

– Я уже сказала вам все: явилась сюда для того, чтобы заявить вам, что рано или поздно я осуществлю мою месть!

Она громко выкрикнула эту фразу, очевидно потеряв всякое самообладание при виде насмешливого презрения сыщика.

– Я не имею возможности тратить время на выслушивание подобных бессмысленных фраз, – сухо прервал ее Ник Картер, – и попрошу вас удалиться. Я не хотел бы принимать энергичные меры по отношению к женщине, как бы низко она ни пала.

Она как-то нервно расхохоталась, глядя на сыщика с нескрываемой ненавистью.

– Я невысокого мнения о вашей благовоспитанности, – воскликнула она, – но все-таки вы не осмелитесь дотронуться до меня!

– Вы совершенно правы, сударыня. Подобные обязанности обыкновенно исполняет прислуга! – резко возразил Ник Картер.

Он отступил на шаг и прикоснулся к кнопке электрического звонка.

Вошел лакей.

– Иосиф, – обратился к нему Ник Картер, – верно ли идут твои часы?

– Сию минуту, мистер Картер? На моих часах теперь тринадцать минут девятого.

– Правильно. Так вот, слушай: ровно через пять минут ты выпроводишь эту особу на улицу, если она не предпочтет уйти раньше добровольно. Она – помилованная арестантка, а потому не вправе претендовать на вежливое обращение.

– Слушаю, мистер Картер, – ухмыльнулся Иосиф, – будет исполнено.

Ник Картер повернулся и так быстро вышел из комнаты, что Диана не успела сказать ни одного слова.

Иосиф с часами в руках встал перед непрошенной гостьей. Она смотрела на него в упор.

– Вы не осмелитесь исполнить приказание вашего барина, – прошипела Диана по прошествии одной минуты.

Иосиф ничего не ответил, а все смотрел на часы.

– Вы слышите? Вы – болван! – крикнула она и топнула ногой.

Но Иосиф был глух и нем, как стена. Он не сводил глаз с часов, наконец он начал считать вполголоса.

– Болван! Ты отлично подходишь к такому барину, как Ник Картер! Он невежа!

– Семь. Восемь. Девять. Десять, – спокойно считал Иосиф.

– Передай ему, что рано или поздно я его убью, – прошипела она вне себя от ярости, – скажи ему, что я заставляю его страдать, как не страдал еще ни один смертный! Скажи ему...

– Двадцать восемь. Двадцать девять. Тридцать.

Иосиф закрыл крышку часов и кашлянул.

– Сударыня, – заговорил он с важным видом, – вы слышали приказание мистера Картера? Потрудитесь убраться. Да поскорее. Поняли?

Диана Кранстон отступила на шаг и подняла руку как бы для удара.

Но Иосифа это мало тронуло.

Он подошел к ней и положил ей руку на плечо.

Она попробовала вырваться, но он не отпускал ее.

Вдруг она так сильно укусила его за руку, что он с криком отдернул руку.

Вместе с тем она быстро направилась к двери.

На полпути она вдруг обернулась, выхватила из кармана револьвер и швырнула его в Иосифа.

Это произошло столь неожиданно, что у лакея не хватило времени уклониться в сторону. Револьвер попал в него с такой силой, что он пошатнулся и схватился руками за стул.

– Вот тебе за твою дерзость, болван, – прошипела Диана, выбежала из комнаты и захлопнула за собой дверь.

– Черт возьми, бойкая дама, нечего сказать, – проворчал Иосиф, обтирая кровь с лица, – но как бы там ни было, она ушла, а больше мне ничего не нужно было.

Затем он отправился в свою комнату.

Спустя четверть часа он по звонку Ника Картера явился в его рабочий кабинет.

– Ну что? – спросил сыщик. – Тебе пришлось вывести ее?

– Нет, – ответил Иосиф, – но...

– Могу себе представить, – прервал его Ник Картер, – вероятно, она ушла еще до срока? Впрочем, что это у тебя на лбу за шрам?

– Это от нее, – ответил Иосиф мрачно, – она оставила мне это на память.

– Чем это она тебя? – расхохотался Ник Картер. – Неужели кулаком?

– Нет, она на прощание швырнула в меня револьвером. У меня чуть голова не разлетелась надвое. Впрочем, вот он этот самый револьвер.

– Просто невероятная история, – заметил Ник Картер, – ведь ее нахальство переходит всякие границы. Надеюсь, теперь ты больше не будешь увлекаться всякими красавицами.

– Будьте в этом уверены, мистер Картер, – воскликнул Иосиф, – женщин отныне для меня не существует, хотя бы они были в три раза красивее этой бабы.

Полночь давно миновала, когда в рабочий кабинет Ника Картера вошел Дик.

– Закури сигару, Дик, – обратился к нему сыщик, указывая на ящик, – и налей себе рюмку вина. Ну, что у тебя нового, рассказывай.

– В котором часу, собственно, Диана Кранстон вышла из дома? – спросил Дик. – Я, правду говоря, не посмотрел на

часы.

– По моему расчету было восемнадцать минут девятого, – ответил Ник Картер с улыбкой, – возможно, и целых двадцать минут, так как Иосиф немного запоздал с исполнением моего поручения.

– Меня поражает столь точное определение времени! – в недоумении воскликнул Дик.

– Дело обстоит весьма просто, – пояснил Ник Картер, – я приказал Иосифу выпроводить эту особу ровно в восемнадцать минут девятого. Когда он стал приводить в исполнение мое поручение, она швырнула револьвер ему в голову и слегка ранила. Но это между прочим. Расскажи, что ты видел? Ида говорила, что ты взял с собою Тен-Итси и Патси?

– Да. Так вот: мы сели в наш большой автомобиль, заехали за ближайший угол и там остановились. Патси и Тен-Итси сидели так, что должны были немедленно увидеть Диану, как только она выйдет из парадной. Я распорядился, чтобы они следовали за ней, пока придет подходящий момент для исполнения нашего замысла.

– В чем же состоял этот замысел?

– Один из них должен был сзади подкрасться к ней и схватить ее за руки, а другой в это время должен был как бы ограбить ее, а я хотел появиться на месте преступления в качестве спасителя, на автомобиле.

– И что же вышло из этого?

– Вышло очень удачно. Диана вышла из парадной и на-

правилась к авеню Мэдисон. По-видимому, она сильно торопилась, так как шла очень быстро, а это нам только и нужно было. Тен-Итси и Патси выждали удобный момент и напали на нее.

– Ты, конечно, на автомобиле случайно находился вблизи?

– Разумеется. Я примчался, как молодой бог. Моментально остановил автомобиль, выскочил и набросился на хулиганов, которые после ожесточенной борьбы удрали. Но надо сказать, что Диана нисколько не растерялась: когда я появился, она уже держала в руке маленький, очень подозрительный на вид, кинжал. «Вы видите, – обратилась она ко мне, – я вооружена! Тем не менее я очень благодарна за ваше вмешательство, которое избавило меня от необходимости укокошить одного из этих негодяев. Дело в том, что маленькая царапина, вызванная этим кинжалом, действует смертельно!» И с очаровательной улыбкой она показала мне свой кинжал. Я попросил дать мне посмотреть на кинжал поближе, но она возразила – это слишком опасно. Не успел я оглянуться, как она уже спрятала кинжал в бархатный футляр, который положила в карман. После этого, во избежание повторения подобных случайностей, я предложил отвезти ее в автомобиле.

– Она, конечно, приняла твое предложение?

– Приняла. Она даже села рядом со мной, а не на заднее, более удобное сиденье, и мы поехали вверх по Пятой авеню. Я ее спросил, куда ехать. Как тебе сказать, Ник! – Она улыб-

нулась мне так очаровательно, так – ну, как бы это сказать, – так сладко, что ли, что я влюбился бы в нее моментально, если бы не знал, что она за изверг такой. Затем она сказала, что еще не поздно, что ее нервы несколько расстроены и что ей поэтому было бы приятно поехать через Центральный парк.

– Ага, прекрасный демон пустил в ход все свои чары, – заметил Ник Картер, – ты, конечно, моментально повиновался и поехал в Центральный парк. Но, надо признаться, по тебе что-то не видно, что ты провел время в обществе очаровательной женщины.

– Черт его знает. Ведь не дурак же я на самом деле, но признаюсь, что мне далеко до этой женщины. Слушай сам: я, конечно, воспользовался случаем поближе познакомиться с Дианой Кранстон, полагая, что это, во всяком случае, будет только полезно.

– И отлично сделал. Значит, вы поехали по парку. Ну и что же было дальше?

– Ночь стояла великолепная, и мне это приключение нравилось. Ведь, в конце концов, я человек молодой, а она чертовски красива. Мы поехали вдоль Седьмой авеню, затем по бульвару Лафайетт, а когда мы вернулись на Сто двадцать пятую улицу, то была уже половина одиннадцатого.

– Однако здорово же ты за ней ухаживал, Дик.

– Пустяки. Я кажусь сам себе дурак дураком! Говорю тебе, эта женщина чистый бес! А болтать она умеет – просто невероятно! У нее все перемешивается – свет и жара, див-

ная, лунная ночь, куропатки с трюфелями, аэропланы и театральная критика. Словом, из всего того, что она говорила, можно спокойно забыть все. Когда мы доехали до угла Седьмой авеню и Сто двадцать пятой улицы, она спросила, который час. Я ответил, а она сказала: «На вокзале у меня лежат несколько чемоданов. Не будете ли вы любезны довести меня еще и туда?» «С удовольствием!» – ответил я. Спустя десять минут мы приехали к вокзалу, и она вышла из автомобиля. «Зачем же вы сами беспокоитесь? – спросил я. – Ведь я и сам могу достать ваши чемоданы». – «Нет-нет, – возразила она самым любезным образом, – вы сидите, я скоро вернусь». И ушла.

– И не вернулась больше? – спросил сыщик с улыбкой.

– Она хотела вернуться через десять минут. И я, дурак, просидел битых десять минут в автомобиле, терпеливо ожидая ее.

– Однако.

– Охотнее всего я бы высек самого себя, – со вздохом ответил молодой сыщик. – Попал я, как кур во щи. Провела она меня как дурака, как мальчишку.

– Из вежливости не буду противоречить. Ну и что же дальше?

– Так вот, прождал я десять минут. Вскоре после того, как она вышла из автомобиля, над моей головой прошел поезд воздушной дороги по направлению к городу. Возможно, что с ним она и уехала.

– Она провела тебя очень хитро: попросила тебя отвезти ее на вокзал ко времени отхода поезда и улетучилась. Ну-с, а затем ты, конечно, с поникшей головой отправился домой?

– Нет, самая прелесть еще впереди. Когда я уже начал терять терпение, из здания вокзала вышел носильщик и заорал во всю глотку: «Мистер Дик Картер! Мистер Дик Картер!»

– Вот это действительно великолепно! – громко расхохотался Ник Картер. – И что же он тебе сказал?

– Повеситься бы мне и больше ничего, – тяжело вздохнул Дик. – Представь себе: эта чертова баба зашла в здание вокзала, написала несколько слов на записке и передала ее носильщику с тем, чтобы он, через пять минут после отхода поезда выкрикнул на всю улицу мое имя. Можешь себе представить, как это было приятно. Ну а затем носильщик с нахальной улыбкой передал мне сложенную записку.

– Ты привез ее с собой?

– Вот она, – ответил Дик, – прочитай ее вслух, но ради бога, без иронических замечаний. Я и так уже довольно наказан.

Ник Картер прочитал записку. Она гласила:

«Дорогой Дик!

Вы плохой сыщик, но очень милый мальчик. Я с удовольствием прокатилась вместе с вами. Но, согласитесь сами, история с нападением на улице была довольно неудачна, тем более что уже раньше я видела ваш автомобиль на углу. О, почему вы двоюродный брат

Ника Картера. Я с удовольствием снова прокатилась бы с вами в вашем превосходном автомобиле. Если вы интересуетесь мною, то я охотно готова повторить прогулку с вами. Дайте мне завтра ответ в газете под заголовком «Диана». А пока не сердитесь на меня.

Диана Кранстон».

Ник Картер положил записку на стол и начал смеяться чуть ли не до слез.

– Смейся, смейся, – проворчал Дик, – хорошо смеется тот, кто смеется последним. Я это дело так не оставлю. Знаешь, что я сделаю? Я на самом деле отвечу ей через газету.

– Стало быть, ты хочешь, чтобы она, быть может, затеяла что-нибудь еще более для тебя приятное.

– Это ты предоставь мне, – огрызнулся Дик, – мне, собственно говоря, не для чего выбрасывать деньги на объявление, так как она преспокойно назвала мне свое настоящее имя и сообщила, что она сегодня только приехала из Торонто и остановилась в «Голландской» гостинице. Это соответствует истине, согласно наведенным мною там справкам.

– Это еще не значит, что завтра, лучше говоря, сегодня утром ее уже там не будет, – заметил Ник Картер.

– Посмотрим, – отозвался Дик, – она оскандалила меня в моих собственных глазах, и я не успокоюсь, пока не отомщу ей. Вот послушай объявление, которое я думаю поместить.

Он набросал на бумажке карандашом несколько строк и прочитал:

– «Диана! Надеюсь, вы исполните ваше обещание. Я буду ждать вас ежедневно, начиная с четырех часов, на углу Пятой авеню и Пятьдесят девятой улицы, у входа в Центральный парк, в моем автомобиле. Дик».

Ник Картер задумался.

– Твое намерение хотя и рискованно, но оно может привести к цели, – проговорил он наконец. – Но, говоря откровенно, эта Диана противник опасный. Она открыто заявила мне, что ненавидит меня и что будет стремиться к тому, чтобы уничтожить меня. Во всяком случае, ты рискуешь многим.

– Ты еще, чего доброго, закутаешь меня в вату и поставишь под стеклянный колпак, – прервал его Дик, – нет, уж ты не старайся, Ник, я настаиваю на своем.

Ник Картер встал и взял руку своего помощника.

– Милый мой, – убедительно проговорил он, – остерегайся. Как сыщик я только одобряю твою затею, но какой-то внутренний голос...

– Оставь, Ник, – решительно ответил Дик, – я не могу смотреть тебе в глаза, прежде чем не поквитаюсь с этой женщиной. Да, впрочем, ведь я на самом деле не ребенок и не раз уже находился в опасности. Поэтому пожелай мне всего хорошего, а я извещу тебя, как только добьюсь какого-нибудь результата.

Целые сутки о Дике не было никаких известий.

Объявление в газете появилось, и Ник Картер не сомне-

вался в том, что Дик привел свое намерение в исполнение и встретился с Дианой.

Сидя за завтраком и раздумывая об этом деле, он вспомнил молодого миллионера Файрфилда, который первый обратил его внимание на таинственное преступление, жертвой которого стала Наталья Деланси.

«Пожалуй, Файрфилду интересно будет узнать, что Диана снова появилась на горизонте, – подумал Ник Картер, – сегодня до обеда у меня нет срочных дел. Пойду-ка я к Файрфилду в «Мамонтову» гостиницу».

На исходе десятого часа Ник Картер позвонил у дверей Файрфилда. Ему открыл лакей и сообщил, что господин еще не встал.

– Неужели мистер Файрфилд так долго спит? – воскликнул сыщик. – Ведь обыкновенно он встает очень рано.

– Да, но он приказал мне дать ему сегодня выспаться, – ответил лакей, – он вернулся домой позднее обыкновенного, около трех часов ночи. Прикажете разбудить его?

– Нет, пусть себе спит, у меня не такое уж важное дело.

Ник Картер отправился в читальню при гостинице, взял книгу и углубился в чтение.

Лишь без десяти минут одиннадцать он опять поднялся по лифту на пятый этаж, где жил молодой миллионер.

Лакей попросил сыщика войти в библиотечную комнату.

В этой самой комнате Ник Картер в свое время слушал потрясающее повествование валиков.

– А разве господин все еще не встал? – спросил он лакея.

– Нет, что-то не слышно. Но теперь я его разбужу, а то он сделает мне выговор, что я отпустил вас.

– Куда девался этот эскиз? – спросил Ник Картер, когда лакей уже хотел выйти из комнаты.

– Какой эскиз? – спросил лакей Фергюсон, останавливаясь на пороге между библиотечной комнатой и гостиной, за которой была расположена спальня.

Сыщик указал на рамку на стене, в которой прежде висел эскизный портрет Дианы Кранстон, набросок карандашом, исполненный Файрфилдом.

Ник Картер в свое время очень этому удивился, но Файрфилд ему тогда сказал:

– Не смейтесь, мистер Картер. Я вовсе не влюблен в Диану Кранстон, но я в жизни не видел более красивой женщины и только потому набросал этот эскиз.

А теперь на стене висела пустая рамка.

– Не знаете ли вы, почему эскиз вынут из рамки? – спросил сыщик.

– Понятия не имею, – ответил Фергюсон в полном недоумении, – я не заметил бы пустой рамки, если бы вы не указали на нее. Сегодня я еще не был в библиотечной комнате, но знаю наверно, что сегодня ночью, когда я сидел в комнате у господина и ждал его возвращения, картина еще висела на месте.

– В общем, это пустяки. Мистер Файрфилд говорил мне,

что собирается уничтожить этот эскиз. Вероятно, он так и сделал сегодня утром. А теперь пойдите разбудите его.

Фергюсон ушел.

Не прошло и полминуты, как Ник Картер вдруг услышал страшный крик.

Вслед за тем в дверях появился лакей, дрожа всем телом, с бледным как смерть лицом и задыхаясь, проговорил:

– Идите... скорее... что-то ужасное... мой хозяин мертв... убит!

Двумя прыжками Ник Картер очутился в спальне.

Достаточно было одного взгляда, чтобы видеть, что никакая помощь больше не нужна.

Файрфилд был мертв.

– Успокойтесь, Фергюсон, – обратился Ник Картер к рыдающему лакею, – возьмите себя в руки.

– Но ведь это ужасно, – рыдал лакей, – кто бы мог ожидать этого.

– Так-то оно так, но слезы тут уже не помогут. Он умер несколько часов тому назад.

– Вызвать ли полицию или врача? Чем я могу быть полезен? – засуетился Фергюсон.

– Очень многим. Прежде всего сядьте на стул возле окна и сидите смирно, пока я вас не позову.

– Как угодно, мистер Картер. Господи боже мой! Я его любил, как родного сына! Я служил у него, еще когда он был совсем юношей, а до этого служил еще у его отца.

– Знаю, знаю, – участливо отозвался Ник Картер, – и вполне понимаю, что это для вас ужасный удар. Но вы должны успокоиться, чтобы ясно отвечать на мои вопросы.

Во всей спальне царил ужасный беспорядок, точно здесь произошла страшная борьба.

Подушки, одеяло и простыня были сорваны с постели и валялись на полу.

На простыне видны были кровавые пятна, даже пол и стены были забрызганы кровью.

Стоявший обыкновенно у изголовья кровати стул лежал опрокинутый на середине комнаты, равно как и маленький столик, а также и стоявший раньше между окнами маленький диван, на обивке которого тоже виднелась кровь.

Одна из старинных гравюр была сорвана со стены с такой силой, что крючок был переломан, а стекло – разбито.

На полу валялись также осколки статуи Меркурия, сброшенной с высокой тумбы.

Большой письменный стол был отодвинут от стены, ковер разрезан.

Даже тяжелая кровать была сдвинута с места.

В общем, комната имела такой вид, точно в ней бесновался сумасшедший.

Труп лежал поперек кровати; голова свисла вниз и почти касалась пола.

Пальцы правой руки судорожно вцепились в складки ковра.

Лицо было обезображено до неузнаваемости.

Очевидно, убийца колотил покойного по лицу уже после его кончины.

На теле виднелась масса колотых ран, из которых каждая в отдельности была смертельна.

Очевидно, на Файрфилда было совершено нападение, когда он уже лег в постель.

На нем была лишь ночная сорочка, все остальные принадлежности костюма валялись в разных местах на полу.

Пока лакей Фергюсон, сидя у окна, закрыл лицо руками и тихо рыдал, Ник Картер с привычной тщательностью осматривал всю комнату.

– Странно. Очень странно, – бормотал он, качая головой, – поразительная вещь: самые талантливые преступники обязательно пересаливают и таким образом сами уничтожают тот эффект, которого хотели добиться.

Восприняв общую картину происшествия, Ник Картер вернулся в библиотеку, подошел к телефону и вызвал сыскное отделение главного полицейского управления.

– Это ты, Джордж? – спросил он, когда ему ответили.

– Я самый! А это ты, Ник? Узнаю тебя по голосу! – воскликнул давнишний друг сыщика, полицейский инспектор Мак-Глусски. – Что случилось?

– Приезжай немедленно в «Мамонтову» гостиницу.

– Сейчас приеду. Разве что случилось?

– Мой приятель Альварий Файрфилд сегодня ночью убит в своей комнате.

– Боже праведный!

– Случайно я находился здесь, когда лакей покойного обнаружил убийство; кроме него и меня да теперь и тебя, никто пока еще ничего не знает об этом убийстве. Мне было бы очень приятно, если бы ты приехал, прежде чем дело получит огласку.

– Через полчаса буду.

– Ладно. До свиданья.

Ник Картер, повесив трубку, подошел к двери спальни, запер ее и обратился к сидевшему в библиотечной комнате лакею:

– Вы должны взять себя в руки, Фергюсон. Пусть плачут женщины, а мы с вами должны теперь действовать энергично. Я убежден, что Файрфилд был бы очень недоволен, если бы увидел, как вы себя ведете.

– Охотно верю. Но ведь это так ужасно.

– Лучше отвечайте на мои вопросы: в котором часу Файрфилд вернулся домой?

– Ровно в половине третьего. Войдя в комнату, он взглянул на часы и выразил изумление по поводу того, что уже так поздно.

– Он еще долго не ложился?

– Не думаю. Он казался очень утомленным и приказал мне лечь спать, так как я долго дожидался его.

– А вы где спите?

– В маленькой каморке, расположенной как раз напротив спальни покойного.

– Где находился Файрфилд, когда вы расстались с ним?

– Здесь в библиотечной комнате. Он сидел на том же стуле, на котором теперь сидите вы.

– И что он делал?

– Он пристально смотрел на картину, которой теперь уже нет в рамке. Когда вы давеча спросили меня, куда девалась картина, я вспомнил, что мой бедный барин как-то странно смотрел на нее. Быть может, он в ту минуту решил вырезать ее из рамы.

– Может быть, он не сам сделал это, – возразил Ник Картер, – ведь ее мог вынуть и убийца. Но это неважно. Значит, после возвращения Файрфилда вы отправились в свою каморку. И что же вы, тотчас и заснули?

– Я спал непробудным сном всю ночь. Господи, как подумаю, что я спокойно спал в то время, как...

– Оставим это, Фергюсон. Постарайтесь-ка вспомнить, не слышали ли вы какой-нибудь шум ночью? Нет, не слышали? А что вы делали сегодня утром, когда встали?

– Я убирал комнаты, как всегда по утрам. Но я ничего необыкновенного не заметил. Правда, в спальню я не входил.

– Конечно. А теперь повторите мне слово в слово то, что вам сказал Файрфилд, когда пришел домой. Опишите мне как можно подробнее выражение его лица, его поведение,

словом, расскажите мне решительно все.

– Что же я вам скажу, мистер Картер? – ответил лакей, пожимая плечами. – Он был такой, как всегда, разве только немного навеселе, хотя и это, пожалуй, неверно. Ведь он, слава богу, был здоров выпить. Всегда, когда он одевался особенно тщательно, как вчера, он собирался на какое-нибудь торжество, на парадный обед или что-нибудь в этом роде, и после этого всегда возвращался немного навеселе.

– Не знаете ли вы, куда именно он ушел вчера вечером?

– Понятия не имею.

– Не было ли у него за последнее время посторонних посетителей?

– Нет.

– Быть может, он получил какое-нибудь неприятное письмо?

– Ничего такого я не заметил.

– Помните ли вы картину, которая висела в той раме?

– Как не помнить. Я часто разглядывал эту красивую женскую головку.

– Кого эта картина изображала?

– Откуда я знаю? – ответил Фергюсон и пожал плечами.

– Но если бы вам пришлось встретиться с оригиналом, то вы сейчас узнали бы его?

– Само собою, разумеется, – уверял лакей.

– Не заходила ли к Файрфилду недавно дама?

Лакей покачал головой в знак отрицания.

– Вы, кажется, сказали, – продолжал Ник Картер, – что Файрфилд сегодня утром с каким-то особенным выражением смотрел на ту картину?

– Да. Можно было подумать, что он подсмеивается.

– Это для меня, к сожалению, никакого значения не имеет. Впрочем, скажите-ка, Фергюсон: каким образом запирается дверь из передней квартиры в коридор?

– Просто на ключ. Мы оба, мистер Файрфилд и я, имеем по одному такому ключу. Обыкновенно господин сам открывал эту дверь и звонил лишь тогда, когда почему-либо ключа при нем не было.

Ник Картер встал, направился в спальню, собрал всю разбросанную на полу одежду и обыскал все карманы.

Он положил на стол в библиотечной комнате все, что нашел в карманах: три банковых билета по пять долларов, пятнадцать долларов золотом, восемьдесят пять центов мелочью, серебряный перочинный нож, спичечницу, портсигар, завернутую в папиросную бумагу бриллиантовую булавку, золотой карандаш и скомканный лист газетной бумаги с объявлениями.

– Ключа я не нашел, – проговорил затем сыщик, – разве сегодня утром мистер Файрфилд звонил?

– Звонил.

– Сказал ли он вам, что забыл взять с собою ключ?

– Нет, не говорил.

Ник Картер взял разорванный лист газетной бумаги и раз-

гладил его.

Как только он взглянул на него, он насторожился и нахмурился.

Оказалось, что на видном месте было напечатано объявление, которым Дик назначал Диане Кранстон свидание.

– Поразительная вещь, – пробормотал Ник Картер, – почему Файрфилд носил с собой именно это объявление?

Вдруг кто-то постучал в дверь.

На пороге появился инспектор Мак-Глусски, торопившийся исполнить желание своего друга.

Ник Картер проводил его в библиотечную комнату, где Фергюсон все еще уныло сидел на стуле у окна.

– Послушайте, Фергюсон, – обратился к нему Ник Картер, – вот приехал полицейский инспектор Мак-Глусски. Пока я вместе с ним еще раз осмотрю место преступления, вы наведите справки, где был мистер Файрфилд в эту ночь. Может быть, вы узнаете это у кого-нибудь из его друзей?

– Думаю, что это удастся, тем более что я знаю почти всех его друзей. Во всяком случае я сделаю все, что могу.

– Ну вот. Только не болтайте, – предупредил сыщик, – до поры до времени никто не должен знать о том, что здесь произошло; если кто-нибудь вас спросит, почему вы спрашиваетесь, то скажите, что вы беспокоитесь, так как мистера Файрфилда все еще нет дома.

Фергюсон еще раз обещал сделать все возможное и ушел.

– Вот что, Джордж, – обратился теперь Ник Картер к сво-

ему другу, когда они остались одни, – в данном случае преступника будет весьма трудно найти и уличить.

– Разве дело покрыто такой непроницаемой тайной? – спросил Мак-Глусски.

– Нет, не то. Мне даже кажется, что я уже знаю, кто совершил это убийство.

– Ты что? – воскликнул Мак-Глусски в изумлении.

– Но подозрение еще не доказательство, – продолжал Ник Картер. – Имей в виду, что налицо нет никаких данных, которые могли бы подтвердить мою догадку. Напротив, имеются улики такого рода, что можно заподозрить кого угодно, но только не того, кто на самом деле совершил преступление.

– Не совсем тебя понимаю. Ведь обыкновенно ты воздерживаешься от преждевременных обвинений.

– Конечно, но в данном случае дело обстоит так, что я изменяю своей привычке. Однако, прежде чем рассуждать об этом, сначала осмотри место преступления и составь свое собственное суждение.

Когда Ник Картер открыл дверь в спальню, Мак-Глусски остановился на пороге и оттуда внимательно смотрел на представшую перед ним картину. Наконец он проговорил:

– Похоже на то, как будто здесь орудовал какой-то сумасшедший.

– Вот это самое в первую минуту подумал и я, – согласился Ник Картер.

– А как ты полагаешь, – спросил Мак-Глусски, – ведь та-

кая борьба должна была произвести страшный шум?

– Стены гостиницы, быть может, не пропускают звуков, – насмешливо заметил Ник Картер.

– Но все это как-то мало похоже на правду, как ты думаешь?

– Я очень рад, что тебе приходят те же мысли, что и мне, – сухо отозвался Ник Картер.

Инспектор вошел к комнате, тщательно осмотрел кроватные следы, а затем наклонился над трупом. Потом он осмотрел всю мебель, поднимал то стул, то столик, как будто для того, чтобы удостовериться в весе той или другой вещи и, наконец, проворчал:

– Я закончил.

Они перешли опять в библиотечную комнату.

Там Ник Картер, не говоря ни слова, указал на раму, из которой была вынута картина.

– Что это значит? – спросил инспектор Мак-Глусски.

– Минувшей ночью в этой раме находился нарисованный карандашом эскиз женской головки. Когда Файрфилд в три часа вернулся домой, эскиз был еще на своем месте. Покойный сел вот на этот стул и с улыбкой смотрел на картину.

– Это тебе сообщил лакей?

– Да.

– Вот как. Ты полагаешь, что Файрфилд сам вынул эскиз из рамы?

– Этого я пока еще утверждать не могу, но прежде чем

продолжать наше расследование, я должен тебе сказать, что на эскизе была изображена Диана Кранстон и что эскиз набросал сам Файрфилд.

Инспектор сильно удивился.

– Неужели это та самая женщина, – спросил он, – которая была замешана в деле об убийстве в Канаде?

– Она самая.

– Да, и если Файрфилд сам нарисовал эскиз, то почему бы ему и не уничтожить его? Он даже говорил мне о том, что намеревается сделать это. Но я не обратил бы внимания на исчезновение эскиза, если бы оригинал не появился вдруг здесь в Нью-Йорке.

– Значит, она бежала из тюрьмы! – воскликнул Мак-Глуски. – Насколько мне помнится, ее тогда приговорили к многолетнему заключению.

– Послушай меня, – продолжал Ник Картер, – она даже имела дерзость явиться вчера после обеда ко мне на квартиру и заявить, что ее помиловали и что она воспользуется свободой, чтобы отомстить мне.

– Однако и нахальство же, – изумился инспектор, – ну и что же дальше было с этой милой девицей?

– Не знаю. Дик это лучше знает.

– Ты, стало быть, приказал ему выследить ее?

– Нет, он сам позаботился об этом, – ответил Ник Картер и в нескольких словах рассказал инспектору о том, как Диана провела Дика.

– Теперь я догадываюсь, кого ты подозреваешь, – заметил Мак-Глусски, – и ты, стало быть, думаешь, что Диана Кранстон вырезала картину?

– Именно.

– Судя по всему тому, что ты рассказал мне об этой красавице, можно, пожалуй, предположить, что она хотела создать впечатление, будто убийство совершено здоровнейшим мужчиной. Но она перестаралась.

– Конечно, – согласился Ник Картер, – уже первая рана, нанесенная Файрфилду, была смертельна, и я полагаю, что его убили, когда он спал.

– Так и мне кажется. И вот убийца, натворивший здесь такой беспорядок, сам испортил впечатление, которое хотел произвести. Вот посмотри хотя бы на статую Меркурия: если бы она была действительно сброшена во время борьбы с мраморной колонны, то последняя наверное тоже не устояла и свалилась бы.

– Я уже осмотрел ванную комнату, – заметил Ник Картер, – там убийца умывал руки и, хотя и старался смыть все следы, все-таки оставил некоторые кровавые пятна. Если бы на самом деле была ожесточенная борьба, то вся гостиница была бы поставлена на ноги. Я хорошо знал беднягу Файрфилда: он был хороший борец и боксер, так что сумел бы расправиться с преступником.

– Вполне согласен с тобой, – заметил Мак-Глусски.

– Для большей ясности, – продолжал Ник Картер, – я в

нескольких словах изложу историю того убийства в Канаде.

– Говори.

– Несчастливая жертва Наталья Деланси была дочь Александра Деланси, богатого и всеми уважаемого человека. При рождении Натальи мать ее умерла, и девочка вместе с тремя детьми ее матери от первого мужа воспитывалась под наблюдением гувернантки. Гувернантка эта была вдова, а Диана – ее единственная дочь, по моему мнению, – и есть убийца бедного Файрфилда. Она же и была душой того первого преступления. Она руководила всем и заставляла плясать исполнителей злодеяния под свою дудку. Когда мы в свое время арестовали преступников, нас было четверо: полицейский инспектор Муррей из Торонто, мой помощник Тен-Итси, я сам и вон тот, что теперь лежит убитый в спальне. Диана попыталась было заколоть Муррея кинжалом, но это ей, к счастью, не удалось. Когда ее арестовали и связали, она казалась совершенно хладнокровной, но во время поездки в Торонто я наблюдал за ней и хорошо видел, как она смотрела на Файрфилда глазами лютой тигрицы. Вот почему я и сказал Файрфилду, когда мы с ним возвращались в Нью-Йорк: «Если вы когда-нибудь узнаете, что эта женщина вышла на свободу, то немедленно известите меня».

– Но на каком основании она возненавидела именно Файрфилда? – спросил инспектор Мак-Глусски.

– Полагаю, что в этом больше всего виноват сам Файрфилд, – ответил Ник Картер, – и я уверен в том, что Диана

на поклялась отомстить всем тем, кто содействовал ее аресту. Я хорошо помню, как Файрфилд по дороге в Торонто и в присутствии арестованной Дианы рассказал полицейскому инспектору все подробности: как он совершенно случайно приобрел на годичном аукционе общества «Вельс Фарго» невостребованный чемодан, как нашел в нем дюжину валиков фонографа, как спустя две недели купил фонограф, как его заинтересовало то, что ему поведали валики, и как он заявил мне обо всем этом. Словом, он рассказал, как Наталья доверила фонографу свое сообщение, в то время когда она с минуты на минуту ждала смерти.

– И эта женщина слышала весь его рассказ?

– Слышала? Не могла не слышать. Таким образом, она узнала, что, в сущности, всю историю раскрыл Файрфилд. Если бы валики не попали к нему в руки, то Диана Кранстон спокойно продолжала бы играть роль несчастной Натальи, на которую она очень похожа, и в конце концов захватила бы все состояние убитой. Но все это служит лишь предисловием к тому, что я собираюсь еще рассказать тебе.

– Понимаю, – заметил Мак-Глусски.

– Третьего дня после обеда, – продолжал Ник Картер, – ко мне явилась Диана Кранстон и стала мне угрожать.

– Вспоминала ли она также о Файрфилде?

– Нет, ни разу даже не назвала его имени. Затем я тебе уже рассказал, как она в тот же вечер искусно и до смешного удачно провела Дика, причем передала ему письмо, в кото-

ром обещала снова прийти к нему на свидание, если он поместит соответствующее объявление в газете. А что ты скажешь после всего этого, если я сообщу тебе, что в жилетном кармане Файрфилда я нашел лист газетной бумаги именно с объявлением Дика?

– Это более чем странно! – воскликнул полицейский инспектор. – И я могу себе объяснить это разве тем, что Файрфилд случайно прочитал это объявление и, любопытства ради, вырвал его из газеты.

– По-моему, это маловероятно, – возразил Ник Картер, – я со своей стороны склонен думать, что Файрфилд, придя домой в третьем часу ночи, возвратился прямо со свидания с этой Дианой Кранстон.

– Пожалуй, это возможно, – согласился Мак-Глусски.

– Мало того, – продолжал Ник Картер, – я полагаю, что ей удалось вытащить у него из кармана ключ от дверей его квартиры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.